

ПЕРВЫЙ ТРИЛЛЕР ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА

ЛАРС КЕПЛАЕР

ГИПНОТИЗЕР

MASTERDETECTIVE

18+

CoRpus

ЙОНА ЛИННА НАЧИНАЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Комиссар полиции Йона Линна

Ларс Кеплер

Гипнотизер

«Corpus (АСТ)»

2009

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Кеплер Л.

Гипнотизер / Л. Кеплер — «Corpus (АСТ)», 2009 — (Комиссар полиции Йона Линна)

ISBN 978-5-17-099787-9

Литературный дебют супружеской пары, пишущей под псевдонимом Ларс Кеплер, произвел ошеломляющее впечатление на читателей, критиков и издателей. Первый шведский роман, с колоссальным успехом проданный за рубеж еще до публикации в Швеции, “Гипнотизер” положил начало захватывающей детективной серии о расследованиях комиссара уголовной полиции Йоны Линны. В пригороде Стокгольма в раздевалке спортивного клуба найден зверски убитый мужчина. Позже в его доме обнаруживают зарубленных с чудовищной жестокостью жену и маленькую дочь. Похоже, убийца задался целью вырезать всю семью, однако тяжело раненный сын выжил. Йона Линна узнает, что в живых остался еще один член семьи – старшая сестра мальчика. Он понимает: необходимо найти девушку до того, как это сделает убийца. Чтобы поскорее допросить единственного свидетеля, Йона Линна связывается с врачом Эриком Марией Барком и убеждает его загипнотизировать мальчика. Только так можно получить описание преступника. Эрик нарушает свое давнее обещание отказаться от занятий гипнозом. И цепочка невероятных событий начинает неумолимо разматываться...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-099787-9

© Кеплер Л., 2009
© Corpus (ACT), 2009

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	61
Глава 12	64
Глава 13	69
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ларс Кеплер

Гипнотизер

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Lars Kepler, 2009

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2010

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Огонь, совсем как огонь. Вот первые произнесенные загипнотизированным мальчиком слова. Несмотря на опаснейшие раны – сотни ножевых ран на лице, ногах, груди, на спине, подошвах, на шее и затылке, – его решили погрузить в глубокий гипноз. Может быть, тогда его глаза увидят произошедшее.

– Я хочу зажмуриться, – пробормотал он. – Иду на кухню, но не могу войти. Между стульями трещит, красный огонь горит на полу.

Полицейский, который нашел мальчика в доме среди трупов, принял его за мертвого. Мальчик потерял много крови, был в шоковом состоянии и не приходил в сознание семь часов.

Он оказался единственным выжившим свидетелем. Комиссар криминальной полиции Йона Линна надеялся, что мальчик сумеет примерно описать убийцу. Преступник с самого начала намеревался убить всех и поэтому, возможно, не позаботился о том, чтобы скрыть лицо во время совершения преступления.

Но не будь обстоятельства дела столь исключительными, никому бы и в голову не пришло обратиться к гипнотизеру.

В греческой мифологии бог Гипнос – крылатый юноша с маковыми головками в руках. Его имя означает “сон”. Он – брат-близнец смерти, сын ночи и тьмы.

Термин “гипноз” в его современном значении впервые был использован в 1843 году шотландским хирургом Джеймсом Брейдом. Этим термином Брейд обозначал похожее на сон состояние обостренного внимания и повышенной восприимчивости.

В наши дни научно установлено, что гипнозу поддаются почти все люди. Однако единого мнения насчет использования, допустимости и опасности гипноза до сих пор не существует. Вероятно, отчасти это следствие того, что гипнозом злоупотребляли мошенники, эстрадные артисты и разведслужбы всего мира.

Чисто технически погрузить человека в состояние гипноза легко; трудно контролировать процесс, сопровождать пациента, анализировать и толковать результаты. Только имея большой опыт и талант, можно по-настоящему овладеть искусством глубокого гипноза. Подлинных врачей-гипнотизеров в мире так мало, что их можно пересчитать по пальцам.

Глава 1

Ночь на восьмое декабря

Эрика Марию Барка вырвал из сна телефонный звонок. За секунду до пробуждения он услышал собственный голос, жизнерадостно произносящий:

– Шарики и серпантин.

От внезапного пробуждения тяжело колотилось сердце. Эрик не знал, что означают слова про шарики и серпантин, и понятия не имел, что ему приснилось.

Чтобы не разбудить Симоне, он выскользнул из спальни, закрыл за собой дверь и лишь после этого сказал в трубку:

– Эрик Мария Барк.

Комиссар криминальной полиции по имени Йона Линна спросил, достаточно ли он проснулся, чтобы выслушать важную информацию. Эрик стал слушать комиссара. Мысли все еще падали в темное пустое пространство, оставшееся после сна.

– Я слышал, что вы прекрасно разбираетесь в тяжелых травмах, – сказал Йона Линна.

– Верно, – коротко ответил Эрик.

Слушая комиссара, он принял болеутоляющее. Полицейский объяснил, что ему нужно допросить свидетеля. Пятнадцатилетний мальчик стал свидетелем двойного убийства. Проблема в том, что мальчик тяжело ранен. Его состояние нестабильно, он в шоке и без сознания. Ночью его перевели из неврологического отделения в Худдинге в нейрохирургию Каролинской университетской больницы, что в Сольне.

– Кто лечащий врач? – спросил Эрик.

– Даниэлла Рикардс.

– Очень компетентный специалист, я уверен, что она справится...

– Это она захотела, чтобы я вам позвонил, – перебил его комиссар. – Ей нужна ваша помощь, и как можно скорее.

Эрик вернулся в спальню за одеждой. Через жалюзи пробивались полоски света от уличных фонарей. Симоне лежала на спине; она посмотрела на мужа странным пустым взглядом.

– Я не хотел тебя будить, – сказал он вполголоса.

– Кто звонил? – спросила она.

– Какой-то полицейский... комиссар, я не расслышал, как его зовут.

– Что случилось?

– Мне нужно поехать в Каролинскую больницу. Надо помочь им с одним мальчиком.

– А сколько времени?

Симоне посмотрела на будильник и закрыла глаза. На ее веснушчатых плечах отпечатались складки простыни.

– Спи, Сиксан, – прошептал Эрик.

Эрик унес одежду в прихожую, включил свет и торопливо оделся. Какие-то лезвия металлически блеснули за спиной. Эрик обернулся и увидел, что сын повесил коньки на ручку входной двери, чтобы не забыть их. Хоть Эрик и спешил, он подошел к шкафу с одеждой, вытащил сундучок и стал искать чехлы для коньков. Надел чехлы на острые лезвия, положил коньки на коврик в прихожей и вышел из квартиры.

Часы показывали три часа ночи, был четверг, 8 декабря. Эрик Мария Барк сел в машину. Снег тихо падал с темного неба. Было абсолютно безветренно, и тяжелые снежинки сонно ложились на пустые улицы. Эрик повернул ключ в зажигании, и мягкой волной потекла музыка – Майлз Дэвис, “Kind of Blue”.

Город спал. Эрик быстро выехал с Лунтмакаргатан и поехал по Свеавэген, к Норртуллу. За снегопадом Бруннsvикен казался огромной темной щелью. Эрик медленно подъехал к боль-

ничному комплексу, покатыл между больницей Астрид Линдгрэн (там не хватает персонала) и родильным домом, мимо онкологической клиники и психиатрии, остановился на своем обычном месте перед нейрохирургической клиникой и вышел из машины. В окнах высокого здания отражался свет уличных фонарей. На парковке для посетителей – несколько машин. Дрозды возились в темных деревьях, хлопая крыльями. Эрик заметил, что шум с автострады в это время не слышен.

Он сунул магнитный пропуск в считывающее устройство, набрал шестизначный код и вошел в холл, поднялся на лифте на пятый этаж и пошел по коридору. Свет люминесцентных ламп блестел на синем линолеуме, как лед в канаве. Лишь теперь Эрик ощутил усталость после внезапного выброса адреналина. Сон был прекрасным, от него до сих пор осталось ощущение счастья. Эрик прошел мимо операционной, мимо дверей огромной барокамеры, поздоровался с медсестрой, и в его памяти снова всплыло то, что рассказал по телефону комиссар: мальчик весь изранен и истекает кровью, потеет, не хочет лежать, мечется и постоянно просит пить. С ним пытаются поговорить, но его состояние быстро ухудшается. Его сознание уплывает, пульс учащается, и лечащий врач Даниэлла Рикардс приняла твердое решение не пускать полицейских к пациенту.

У дверей отделения № 18 стояли двое полицейских в форме. Эрик подошел к ним; ему показалось, что на их лицах проступает беспокойство. Может быть, они просто устали, подумал он, останавливаясь перед ними и представляясь. Один из полицейских бросил взгляд на удостоверение личности и нажал на кнопку. Дверь с шипением открылась.

Эрик вошел и пожал руку Даниэлле Рикардс. Заметил напряженно сжатый рот, подавляемую нервозность в движениях.

- Налей себе кофе, – предложила она.
- У нас есть время? – спросил Эрик.
- С кровоизлиянием в печень я справилась.

Какой-то мужчина лет сорока пяти, в джинсах и черном пиджаке, постукивал по корпусу кофейного автомата. Взъерошенные светлые волосы, губы серьезно сжаты. Наверное, это муж Даниэллы, Магнус, подумал Эрик. Он его никогда не встречал, только видел фотографию у нее в кабинете.

- Это твой муж? – спросил Эрик, указывая на мужчину.
- Что? – Даниэлла как будто слегка удивилась.
- Я подумал – может, Магнус приехал с тобой.
- Нет, – усмехнулась она.
- Точно? Я могу у него спросить, – пошутил Эрик и направился к мужчине.

У Даниэллы зазвонил мобильный, и она, досмеиваясь, открыла крышку.

- Эрик, перестань, – сказала она, поднося телефон к уху. – Даниэлла.

Послушала, но ничего не услышала.

- Аллю?

Даниэлла подождала несколько секунд, потом иронически произнесла гавайское “алоха”, нажала “отбой” и повернулась к Эрику.

Он уже подошел к светловолосому. Кофейный автомат шумел и шипел.

- Выпейте кофе, – предложил мужчина, пытаясь сунуть стаканчик Эрику в руки.
- Нет, спасибо.

Мужчина попробовал кофе и улыбнулся. На его щеках появились ямочки.

- Вкусный, – сказал он и снова попытался дать стаканчик Эрику.
- Я не хочу.

Мужчина отпил еще, глядя на Эрика.

– Можно одолжить у вас телефон? – вдруг спросил он. – Если это удобно. Я забыл свой в машине.

– И теперь вы хотите взять мой телефон? – сдержанно поинтересовался Эрик.

Светловолосый кивнул и посмотрел на него. Глаза у него были светлые, серые, словно полированный гранит.

– Можете взять мой еще раз, – предложила Даниэлла.

– Спасибо.

– Не за что.

Светловолосый взял телефон, посмотрел на него, потом поднял глаза на Даниэллу:

– Обещаю вернуть.

– Все равно только вы по нему и звоните, – пошутила она.

Мужчина рассмеялся и отошел в сторону.

– Нет, это все-таки твой муж, – сказал Эрик.

Даниэлла с улыбкой помотала головой, потом устало огляделась. Потерла глаза, размазывая по щекам серебристо-серый карандаш.

– Я взгляну на пациента? – спросил Эрик.

– Конечно, – кивнула она.

– Раз уж я все равно здесь, – торопливо добавил он.

– Эрик, я с удовольствием выслушаю твое мнение, а то я себя чувствую не очень уверенно.

Даниэлла открыла тяжелую дверь, и Эрик следом за ней вошел в теплую палату по соседству с операционной. На койке лежал худенький мальчик. Две медсестры перевязывали ему раны. Сотни резаных и колотых ран, буквально по всему телу. На подошвах, на груди и животе, на шее, на самом темени, на лице, на руках.

Пульс был слабый, но очень быстрый. Губы серые, как алюминий, мальчик весь в поту, глаза закрыты. Нос как будто сломан. Кровоподтек расплзался темным пятном от шеи и ниже, по всей груди.

Эрик заметил, что у мальчика, несмотря на раны, красивое лицо.

Даниэлла начала было тихо рассказывать о состоянии мальчика и вдруг замолчала – в дверь постучали. Опять этот светловолосый. Он помахал им через стеклянное окошко в двери.

Эрик и Даниэлла переглянулись и вышли из послеоперационной. Светловолосый снова стоял возле шипящего кофейного автомата.

– Большая чашка капучино, – сказал он Эрику. – Вот что вам нужно, прежде чем поговорить с полицейским, который нашел мальчика.

Только теперь Эрик сообразил, что светловолосый – комиссар полиции, разбудивший его меньше часа назад. Его финский выговор был не так слышен по телефону, или же Эрик так устал, что не заметил его. Он спросил:

– С какой стати мне встречаться с полицейским, который нашел мальчика?

– Чтобы понять, о чем я буду его спрашивать...

Йона умолк: зазвонил телефон Даниэллы. Он вытащил его из кармана и, не обращая внимания на ее протянутую руку, бросил торопливый взгляд на дисплей.

– Это меня, – сказал Йона и ответил: – Да... Нет, он мне нужен здесь. Ладно, но мне на это наплевать.

Комиссар, улыбаясь, послушал, как протестует коллега, и добавил:

– Хотя я кое-что заметил.

На том конце что-то завопили.

– Делаю, как считаю нужным, – спокойно ответил Йона и закончил разговор.

С тихим “спасибо” он вернул телефон Даниэлле.

– Мне нужно побеседовать с пациентом, – серьезно объяснил он.

– Увы, – сказал Эрик. – Я согласен с заключением доктора Рикардс.

– Когда он сможет поговорить со мной? – спросил Йона.

– Пока он в состоянии шока, ничего не выйдет.

– Я знал, что вы так ответите, – очень тихо сказал Йона.

– Состояние все еще критическое, – пояснила Даниэлла. – Легочная плевро повреждена, тонкая кишка, печень и...

Вошел человек в запачканной полицейской форме. Тревожный взгляд. Йона помахал ему, пошел навстречу и пожал руку. Он что-то вполголоса сказал; полицейский прижал ладонь ко рту и посмотрел на врачей. Комиссар повторил полицейскому, что все в порядке, врачам надо знать обстоятельства, им это очень поможет.

– Да, ну, значит... – произнес полицейский и тихо откашлялся. – Нам по радиации сообщили, что уборщик нашел мертвого мужика в туалете, в спортклубе в Тумбе. Ну, мы сразу на Худдингевэген садимся в машину, там надо свернуть на Далавэген и прямо к озеру. Янне, мой напарник, – он вошел, когда я допрашивал уборщика. Сначала мы решили, что это передоз, но я скоро понял, что тут другое. Янне вышел из раздевалки, у него все лицо было белое, и он как будто не хотел меня туда пускать. Раза три сказал “Ну и кровищи”, сел прямо на лестницу и...

Полицейский умолк, сел на стул и уставился перед собой, полуоткрыв рот.

– Не хотите продолжить? – спросил Йона.

– Да... Скорая приехала к клубу, мертвеца опознали, а мне велели известить родственников. У нас народу не хватает, ну и мне пришлось ехать одному. Потому что моя начальница, она сказала, что типа не хочет отправлять туда Янне в таком состоянии и что это понятно.

Эрик взглянул на часы.

– У вас есть время его послушать, – произнес Йона со своим протяжным финским акцентом.

– Этот, который умер, – продолжал полицейский, опустив глаза, – он учитель из гимназии в Тумбе, живет в новом районе, на горе. Никто не открыл дверь. Я позвонил несколько раз. Ну и... я не знаю, что меня толкнуло обойти весь дом и посветить фонариком в окно на задней стороне.

Полицейский замолчал. У него задрожали губы, он начал колупать подлокотник.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросил Йона.

– Мне обязательно дальше? Потому что я... я...

– Вы нашли мальчика, маму и пятилетнюю девочку. Мальчик – единственный, кто до сих пор жив.

– Хотя я думал... я...

Он умолк, лицо у него было совершенно белое.

– Спасибо, что пришли, Эрланд, – поблагодарил Йона.

Полицейский коротко кивнул и поднялся, растерянно провел руками по испачканной куртке и ушел.

– Все было залито кровью, – заговорил Йона. – Чистое безумие, все израненные, их били, увечили, рубили, а девочка... ее разрубили надвое. Нижняя часть тела и ноги лежали в кресле перед телевизором, а...

Он замолчал и, прежде чем продолжить, цепко взглянул на Эрика.

– Такое ощущение, что преступник знал, что отец в спортклубе, – пояснил комиссар. – Проходит футбольный матч, а он – судья. Преступник дождался, пока он останется один, прежде чем убить его, начать разделывать, яростно разделывать, потом поехал к нему домой и убил остальных.

– Именно в таком порядке? – уточнил Эрик.

– Это мое предположение, – ответил комиссар.

Эрик провел ладонью по губам, чувствуя, что у него дрожат руки. Папа, мама, сын, дочка, медленно подумал он и встретился взглядом с Йоной.

– Преступник хотел вырезать всю семью, – констатировал Эрик слабым голосом.

Йона сделал неопределенный жест.

– Именно так... Есть еще один ребенок – старшая сестра. Мы не можем ее найти. Ее нет ни в ее квартире в Сундбюберге, ни у приятеля. Не исключено, что преступник ищет и ее. Вот почему мы хотим допросить свидетеля, как только будет можно.

– Пойду обследую его повнимательнее, – сказал Эрик.

– Спасибо, – кивнул Йона.

– Но мы не можем рисковать жизнью пациента, чтобы...

– Я понимаю, – перебил Йона. – Но чем дольше мы будем тянуть, тем больше времени будет у преступника, чтобы найти старшую сестру.

– Может, вам осмотреть место убийства? – сказала Даниэлла.

– Сейчас как раз осматривают.

– Тогда поезжайте туда и поторопите полицейских.

– Все равно это ничего не даст, – ответил комиссар.

– Что вы хотите сказать?

– Мы найдем там ДНК сотен, а может быть, тысяч человек.

Эрик вернулся к пациенту и встал возле койки, всматриваясь в бледное, израненное лицо. Тяжелое дыхание. Застывшие губы. Эрик произнес его имя, и в лице мальчика что-то болезненно сжалось.

– Юсеф, – тихо повторил он. – Меня зовут Эрик Мария Барк, я врач, я обследую тебя. Можешь кивнуть, если понимаешь, что я говорю.

Мальчик лежал совершенно неподвижно, живот поднимался и опускался неровными толчками. Эрик был совершенно уверен, что мальчик понял его слова, но снова впал в забытие, и контакт был потерян.

Когда Эрик через полчаса вышел из комнаты, Даниэлла и комиссар разом взглянули на него.

– Он выберется? – спросил Йона.

– Слишком рано говорить наверняка, но он...

– Мальчик – наш единственный свидетель, – перебил комиссар. – Кто-то убил его отца, мать, младшую сестру, и тот же самый человек, весьма вероятно, сейчас как раз направляется к его старшей сестре.

– Вы уже говорили, – напомнила Даниэлла. – Но, по-моему, полиции следовало бы заняться ее поисками, вместо того чтобы мешать нам.

– Разумеется, мы ищем ее, но поиски идут слишком медленно. Нам надо поговорить с мальчиком – он наверняка видел лицо преступника.

– Может пройти не одна неделя, прежде чем мальчика можно будет допросить, – проговорил Эрик. – Я хочу сказать, нельзя же невероятными усилиями вернуть его к жизни – и тут же сообщить, что вся его семья мертва.

– А под гипнозом? – спросил Йона.

В помещении стало тихо. Эрик вспомнил, как снег падал на Бруннsvикен, когда он ехал сюда. Как он кружился между деревьями над темной водой.

– Нет, – еле слышно прошептал он.

– Гипноз не поможет?

– Я не могу, – ответил Эрик.

– У меня отличная память на лица, – сказал Йона с широкой улыбкой. – Вы известный гипнотизер, вы могли бы...

– Я обманщик, шарлатан, – перебил Эрик.

– Не верю, – ответил Йона. – К тому же сейчас гипноз необходим.

Даниэлла покраснела и улыбалась, уставившись в пол.

– Я не могу, – выговорил Эрик.

– Вообще-то сейчас я отвечаю за пациента, – громко сказала Даниэлла. – И мысль о гипнозе меня не слишком привлекает.

– А если вы сочтете, что для пациента это не опасно? – спросил Йона.

Эрик понял: комиссар с самого начала решил для себя, что гипноз – кратчайший путь, идея с гипнозом не только что пришла ему в голову. Йона Линна просил его приехать в клинику лишь для того, чтобы попытаться уговорить его загипнотизировать пациента, а вовсе не как эксперта по шоковым состояниям и тяжелым травмам.

– Я обещал себе, что никогда больше не буду заниматься гипнозом, – произнес Эрик.

– Ладно, я понимаю, – сказал Йона. – Я слышал, что вы были лучшим. Но, черт возьми, я обязан уважать ваш выбор.

– Мне очень жаль.

Эрик посмотрел в окошко на пациента и повернулся к Даниэлле.

– Ему дали десмопрессин?

– Нет. Я решила погодить с этим.

– Почему?

– Риск тромбоэмболических осложнений.

– Я следил за обсуждением, но не думаю, что риск действительно есть. Я все время даю десмопрессин своему сыну, – возразил Эрик.

Йона тяжело поднялся со стула.

– Я был бы вам благодарен, если бы вы порекомендовали другого гипнотизера, – сказал он.

– Но ведь мы не знаем, придет ли пациент в сознание, – ответила Даниэлла.

– Но я рассчитываю, что...

– А чтобы его можно было погрузить в гипноз, он должен быть в сознании, – закончила она, усмехнувшись краем рта.

– Когда Эрик обратился к нему, он слышал, – заметил Йона.

– Не думаю, – пробормотала Даниэлла.

– Да нет, он меня слышал, – подтвердил Эрик.

– Мы должны спасти его сестру, – настаивал Йона.

– Я уезжаю домой, – тихо сказал Эрик. – Дайте пациенту десмопрессин и подумайте о барокамере.

Он вышел. Идя по коридору и потом спускаясь в лифте, снял халат. В холле было несколько человек. Двери открыты, небо чуть-чуть прояснилось. Выворачивая с парковки, Эрик потянулся за деревянной коробочкой, лежавшей в бардачке. Не отрывая взгляда от дороги, подцепил пальцем крышку с пестрым попугаем и дикарем, выудил три таблетки и торопливо проглотил их. Утром ему надо поспать пару часов, прежде чем разбудить Беньямина и сделать ему укол.

Глава 2

Утро вторника, восьмое декабря

Комиссар Йона Линна заказал большой бутерброд с пармезаном, брезаолу и вяленые помидоры в “Иль Кафе” на Бергсгатан. Было раннее утро, и кафе только что открылось: девушка, принявшая у него заказ, еще не успела вынуть хлеб из пакетов.

Накануне поздно вечером комиссар осмотрел место преступления в Тумбе, съездил в Сольну навестить в Каролинской больнице выжившую жертву, ночью побеседовал с обоими врачами, Даниэлой Рикардс и Эриком Марией Барком. Потом отправился домой, в свою квартиру во Фредхелль, и три часа поспал.

Сейчас Йона ждал, когда ему принесут завтрак, и посматривал через запотевшее окно на ратушу. Он думал о “трубе” – подземном ходе между огромным зданием полиции и ратушей. Получил назад свою банковскую карту, взял со стеклянной тарелочки гигантскую ручку, расписался на квитанции и вышел из кафе.

С неба хлестал снег с дождем. Йона торопился вверх по улице с пакетом с теплым бутербродом в одной руке и с сумкой, в которой лежал молоточек для флорбола, в другой.

“Вечером встречаемся с розыскным отделом, быть беде. Накидают они нам, как обещали”, – думал он.

Флорбольная команда криминальной полиции проиграла команде местной полиции, автоинспекторам, морской полиции, оперативной группе, патрульной группе и службе безопасности. Но зато у нее была уважительная причина утешиться в пивной.

“Единственные, кого мы обыграли, – это ребята из лаборатории”, – подумал Йона.

Проходя вдоль здания полиции, мимо просторного входа, Йона понятия не имел, отправится ли он в этот вторник играть во флорбол или пойдет в пивную. На табличке зала суда кто-то изобразил свастику. Широкими шагами комиссар поднялся к следственной тюрьме Крунуберг и увидел, как за автомобилем беззвучно закрываются высокие ворота. Снежинки таяли на большом окне пропускного пункта. Йона миновал полицейский бассейн, срезал путь, пройдя по газону возле входа в огромное здание. Фасад напоминает темную медь, полированную, но под водой, подумалось комиссару. В стойке возле зала заседаний не было ни одного велосипеда, на обоих флагштоках развевались отсыревшие флаги. Йона почти бегом проскочил между двумя металлическими колоннами, под покрытым инеем стеклянным козырьком, оббил снег с ботинок и вошел в здание Главного полицейского управления.

В Швеции полиция находится в ведении министерства юстиции, но министерство не может решать вопрос о применении закона. Главное полицейское управление как раз и является главным административным органом. К нему относятся Государственная уголовная полиция, служба безопасности, Высшая полицейская школа и Государственная криминалистическая лаборатория.

Государственная уголовная полиция – единственная центральная оперативная полиция в Швеции, уполномоченная расследовать тяжкие преступления во всей стране и за ее пределами. В Государственной уголовной полиции Йона Линна служил комиссаром уже десять лет.

Йона прошел по коридору, возле доски объявлений снял шапку, пробежал глазами информацию от профсоюза, сообщения о йоге, о продаже дома-фургона и о том, что в тире изменилось расписание.

Пол, отмытый в пятницу, уже успел стать грязным. Дверь в кабинет Бенни Рубина была приоткрыта. Этот шестидесятилетний человек с седыми усами и морщинистой, облупившейся на солнце кожей несколько лет состоял в группе по расследованию убийства Пальме. Теперь он занимался службой связи и переходом на новую радиосистему “Ракель”. Рубин сидел за компьютером, заложив за ухо сигарету, и ужасающе медленно печатал.

– У меня глаза на затылке, – неожиданно произнес он.

– Понятно, почему ты так долго печатаешь, – отшутился Йона.

Он заметил последнее приобретение Бенни – плакат с рекламой авиакомпании SAS: молодая, весьма экзотичного вида женщина в крошечном бикини потягивает через соломинку фруктовый напиток. Бенни так взбесил запрет на календари с изображением легкомысленных девиц, что некоторые думали, что он уволится. Вместо этого Бенни вот уже много лет тихо, но настойчиво выражал протест. Каждое первое число месяца он менял настенное украшение. Кто сказал, что запрещены реклама авиакомпаний, изображения ледовых принцесс с разведенными ногами, инструкторов йоги или реклама нижнего белья “Хеннес и Мауритц”? Йона помнил картинку с бегуньей на короткие дистанции Гейл Деверс в обтягивающих шортах, а также волнующую литографию художника Эгона Шиле: рыжеволосая женщина сидит, расставив ноги в пышных панталончиках.

Йона остановился поздороваться со своей помощницей и коллегой Аньей Ларссон. Анья, полуоткрыв рот, сидела за компьютером; ее круглое лицо было таким сосредоточенным, что комиссар решил не мешать ей. Он прошел в свой кабинет, повесил мокрый плащ на дверь, зажег на окне адвентовскую звезду и быстро просмотрел почту: официальное письмо насчет условий труда, предложение купить энергосберегающие лампочки, распоряжение из прокуратуры и персональное приглашение на рождественский ужин в Скансен.

Йона отправился в зал совещаний, сел на свое обычное место, развернул бутерброд и принялся за еду.

На большой белой доске, висевшей вдоль длинной стены, значилось: одежда, защитное снаряжение, оружие, слезоточивый газ, средства связи, транспорт, прочие вспомогательные технические средства, каналы, сигналы станций, двусторонняя связь, включение радиостанций только на прием, коды, проба связи.

Петтер Неслунд остановился в коридоре, довольно засмеялся и прислонился спиной к дверному косяку. Это был мускулистый лысоватый мужчина лет тридцати пяти, комиссар с особым служебным положением, что делало его непосредственным начальником Йоны. Вот уже несколько лет он флиртовал с Магдаленой Ронандер, не замечая ее раздраженного взгляда и упорных попыток придерживаться дружеского тона. Магдалена последние четыре года служила инспектором в розыскном отделе и намеревалась завершить свое юридическое образование до того, как ей исполнится тридцать.

Сейчас Петтер, понизив голос, выпрашивал у Магдалены, какое служебное оружие ей больше нравится и часто ли она меняет ствол из-за того, что стерлись бороздки. Магдалена не стала делать вид, будто не понимает его неуклюжих двусмысленностей, и объявила, что тщательно фиксирует все произведенные выстрелы.

– Но тебе нравятся штуки поглубже? – спросил Петтер.

– Нет, у меня “глок-17”, – ответила Магдалена. – К нему подходят многие девятимиллиметровые боеприпасы.

– Ты разве не берешь чешские...

– Почему, беру... Хотя лучше m39B.

Оба вошли в зал совещаний, уселись на свои места и поздоровались с Йоной.

– У некоторых “глоков” газоотвод рядом с мушкой, – продолжала Магдалена. – Отдача минимальная, а скорость стрельбы увеличивается – будь здоров.

– А муми-троль что думает? – спросил Петтер.

Йона мягко улыбнулся, причем его светло-серые глаза стали прозрачными, и ответил со своим певучим финским акцентом:

– Что это не важно. Что не стрельба решает дело.

– Ну так тебе не надо уметь стрелять, – ухмыльнулся Петтер.

– Йона хороший стрелок, – возразила Магдалена.

– И не только стрелок, – вздохнул Петтер.

Магдалена, не обращая внимания на Петтера, повернулась к Йоне:

– Самое лучшее в “глоке” с компенсатором – это что порохового газа не видно в темноте.

– Верно, – тихо ответил Йона.

Магдалена с довольным видом открыла свою черную кожаную папку и принялась рыться в бумагах. Бенни вошел, сел, оглядел всех, громко хлопнул ладонью по столу и широко улыбнулся, когда Магдалена раздраженно глянула на него.

– Я взял случай в Тумбе, – сказал Йона.

– Что за случай? – спросил Петтер.

– Зарезали целую семью.

– Это не наше дело, – сказал Петтер.

– Я думаю, здесь речь идет о серийном убийце или как минимум...

– Ну хватит, – оборвал Бенни и снова хлопнул ладонью по столу.

– Это расплата, – объяснил Петтер. – Взял в долг, проигрался... Убитого знали на “Сольвалле”¹.

– Игроман, – подтвердил Бенни.

– Позаимствовал деньги у местных братков. Вот и поплатился, – закончил Петтер.

Стало тихо. Йона отпил воды, подобрал крошки от бутерброда и отправил в рот.

– У меня предчувствие по этому делу, – вполголоса сказал он.

– Тогда тебе надо подать заявление о переводе, – улыбнулся Петтер. – Это дело – не для уголовной полиции.

– По-моему, как раз для уголовной.

– Если хочешь заниматься этим случаем, переводись в Тумбу, в местную полицию, – сказал Петтер.

– Я собираюсь расследовать это убийство, – настаивал Йона.

– Такие вопросы решаю я, – ответил Петтер.

Вошел и сел Ингве Свенссон. Волосы зачесаны назад и уложены гелем, под глазами – синие круги. Рыжеватая щетина. Как всегда – мятый черный костюм.

– *Ингуи*, – довольным голосом сказал Бенни.

Ингве Свенссон – один из лучших специалистов по организованной преступности. Он возглавлял аналитический отдел и входил в группу международного сотрудничества.

– Ингве, что скажешь насчет Тумбы? – спросил Петтер. – Ты там, конечно, уже все проверил?

– Да, похоже, это для тамошней полиции. Кто-то приехал взыскать должок. Отец в это время должен был быть дома, но его неожиданно назначили судьей в футбольном матче. Преступник, видимо, нажрался рогипнола и амфетаминов, стал дерганным, потерял контроль над собой, его что-нибудь спровоцировало. Набросился на семью со спецназовским ножом, чтобы выпытать, где должник. Они, конечно, рассказали, но он уже вошел во вкус и всех перерезал, а потом отправился в спортклуб.

Петтер насмешливо улыбнулся, выпил воды, рыгнул в руку, глянул на Йону и спросил:

– Что скажешь?

– Неплохое объяснение. Но совершенно ошибочное, – отозвался тот.

– И в чем ошибка? – запальчиво спросил Ингве.

– Преступник сначала убил мужчину в спортклубе, – спокойно ответил Йона. – А потом поехал к нему домой и убил остальных.

– Вскрытие покажет, кто прав, – буркнул Ингве.

– Оно покажет, что прав я.

¹ Самый большой ипподром в Скандинавии, расположен в Стокгольме. (Здесь и далее – прим. перев.)

- Дурак, – вздохнул Ингве и сунул в рот два пакетика табака².
- Йона, я не отдам тебе это дело, – сказал Петтер.
- Понимаю, – вздохнул тот и поднялся из-за стола.
- Ты куда? У нас собрание, – напомнил Петтер.
- Мне нужно поговорить с Карлосом.
- Не об этом.
- Об этом, – ответил Йона и вышел.
- Вернись! – крикнул Петтер. – Иначе я...

Йона не дослушал угрозы. Он аккуратно закрыл за собой дверь, прошел по коридору, поздоровался с Аньей, которая вопросительно взглянула на него поверх компьютера.

- Ты разве не на собрании? – удивилась она.
- Как сказать, – ответил комиссар и пошел дальше, к лифту.

На пятом этаже располагались переговорная комната и канцелярия Главного полицейского управления. Там же работал Карлос Элиассон, начальник полицейского управления. Дверь была приоткрыта, но, по обыкновению, больше закрыта, чем открыта.

- Входите, входите, – пригласил Карлос.

Когда Йона вошел, на лице у Карлоса появилось смешанное выражение озабоченности и радости.

- Я только покормлю своих крошек, – сказал он и постучал по краю аквариума.
- Карлос, улыбаясь, посмотрел, как рыбки плывут к поверхности, и насыпал в воду корма.
- Вот, ешьте, – прошептал он.

Карлос показал самой маленькой райской рыбке, Никите, куда плыть, потом повернулся и приветливо сказал:

- Комиссия по особо тяжким преступлениям спрашивала, можешь ли ты заняться убийством в Даларне.
- Сами справятся.
- Они в этом сомневаются. Томми Кофозд был здесь и встречался с...
- К тому же у меня нет времени, – перебил Йона.

Он уселся напротив Карлоса. В кабинете приятно пахло кожей и деревом. Солнечные лучи переливчато светили через аквариум.

- Я хочу заняться преступлением в Тумбе, – без обиняков заявил Йона.

На мгновение морщинистое приветливое лицо Карлоса сделалось озабоченным.

- Пару минут назад мне звонил Петтер Неслунд. Он прав, Государственной уголовной полиции здесь нечего делать.

- А я считаю – есть, – упрямо сказал Йона.
- Только если этот собиратель долгов связан с организованной преступностью.
- Не было никакого собирателя долгов.
- Не было?

– Убийца сначала поехал к мужчине, – отрезал Йона. – Потом отправился в дом, чтобы заняться семьей. Он задумал перебить всю семью, он собирается найти взрослую дочь, а также добраться до выжившего мальчика.

Карлос бросил взгляд на свой аквариум, словно боясь, что рыбки услышат что-нибудь ужасное.

- Ага, – скептически произнес он. – А откуда ты это знаешь?
- Кровавые следы в доме были короче.
- Что это значит?

Йона подался вперед:

² Порционный (бывает и рассыпной) сосательный табак, снюс.

– Конечно, отпечатки шагов были везде, я их не измерял, но отпечатки в раздевалке, помоему, были... да, энергичнее, а в доме – как будто человек подустал.

– Ну, начинается, – устало вздохнул Карлос. – Ты опять все усложняешь.

– Но я прав.

Карлос покачал головой:

– Думаю, что не в этот раз.

– И в этот тоже.

Карлос повернулся к рыбкам и объявил:

– Это – Йона Линна. Самый упрямый человек, с каким мне доводилось сталкиваться.

– Почему бы не быть упрямым, если знаешь, что прав?

– Я не могу действовать через голову Петтера и отдать тебе дело только потому, что у тебя есть некие предчувствия, – пояснил Карлос.

– Почему?

– Все думают, что из мужика просто выбивали долги, что он проигрался.

– Ты тоже так думаешь?

– Вообще-то да.

– Следы в раздевалке были энергичнее, потому что для убийцы это преступление было первым по времени, – настаивал Йона.

– Ты от своего не отступишься. Или отступишься?

Йона пожал плечами и улыбнулся.

– Позвоню-ка я прямо судебным медикам, послушаю, что они скажут, – проворчал Карлос и снял трубку.

– Они скажут, что я прав, – ответил Йона, глядя в пол.

Йона Линна знал, что он упрямец и что ему может понадобиться все его упрямство, чтобы двигаться дальше. Наверное, все началось с его отца, Ирё Линны, служившего патрульным полицейским в Мерсте. Он находился на старой упсальской дороге, немного севернее больницы Лёвенстрём, когда из диспетчерской поступил тревожный вызов. Ирё отправили в Весбю, по дороге на Хаммарбю. В полицию позвонил кто-то из соседей. Ульссоны снова побили своих малышей. В 1979 году Швеция стала первой страной, запретившей телесное наказание детей, и Государственное полицейское управление распорядилось отнестись к новому закону серьезно. Ирё Линна приехал на вызов, остановил полицейский автомобиль у подъезда и стал ждать напарника, Джонни Андерсена. Через несколько минут он вызвал его. Джонни, стоявший в очереди в колбасный киоск “Маммас”, ответил, что, по его мнению, мужик должен иногда иметь возможность показать, кто в доме главный. Ирё Линна был молчуном. Он не стал настаивать, хоть и знал правила: при вмешательствах такого рода полицейских должно быть двое. Он ничего не сказал, хотя знал, что имеет право на поддержку напарника. Не хотел ругаться, не хотел показаться трусом и не мог больше тянуть. Ирё поднялся по лестнице на третий этаж и позвонил в дверь. Открыла девочка с испуганными глазами. Ирё попросил ее остаться на лестничной клетке, но она помотала головой и вбежала в квартиру. Ирё шагнул за ней и вошел в гостиную. Девочка заколотила по балконной двери. На балконе Ирё заметил малыша в одном подгузнике. Мальчику было года два. Ирё бросился через всю комнату, чтобы впустить малыша, и слишком поздно заметил пьяного мужчину. Тот неподвижно сидел на диване прямо перед дверью, но смотрел на балкон. Ирё пришлось двумя руками отгибать блок безопасности и поворачивать ручку двери. Только закончив с этим, он услышал, как лязгнул курок дробовика. Раздался выстрел, тридцать шесть дробинок угодили прямо ему в позвоночник. Ирё умер почти мгновенно.

Одиннадцатилетний Йона с сестрой Ритвой перебрались из светлой квартиры в центре Мерсты в Стокгольме в теткину трехкомнатную квартиру в районе Фредхелль. Окончив неполную среднюю школу и отучившись три года в гимназии Кунгсхольма, Йона подал заявление

в высшую полицейскую школу. Сейчас он все еще частенько вспоминал своих друзей-одногруппников, прогулки по широким лужайкам, покой, предшествовавший стажировке, и свой первый год службы в качестве помощника полицейского. Йона Линна выполнил свою долю бумажной работы, внес свой вклад в решение вопросов равноправия и в деятельность профсоюза. Он регулировал уличное движение во время стокгольмского марафона и сотен автомобильных аварий, смущался, когда футбольные хулиганы при виде женщин-полицейских в вагонах метро принимались улюлюкать и орать: “Полицейская с дубинкой! Сунь-ка – вынь-ка, сунь-ка – вынь-ка!”, он находил мертвых героинщиков с гнойными ранами, проводил серьезные беседы с магазинными воришками, помогал врачам скорой помощи управиться с блюющими пьяницами, разговаривал с проститутками, страдающими от ломки, больными СПИДом и напуганными, имел дело с сотнями мужчин, избивавших жену и детей – похожие один на другого чудовища, пьяные, но отнюдь не впавшие в беспамятство, включавшие погромче радио и опускавшие жалюзи, – он останавливал лихачей и пьяных водителей, изымал оружие, наркотики и самогон. Однажды, когда он был на больничном после ранения в спину и гулял, чтобы размяться, он увидел, как какой-то бритоголовый возле школы Класторп лапает мусульманку. Йона с больной спиной гнался за бритоголовым до самой воды, через парк, мимо мыса Смедсудден, через весь мост Вестербрун, через Лонгхольмен до самого Сёдермальма; скинхеда он задержал только возле светофора на Хёгалидсгатан.

Не имея особого желания делать карьеру, Йона Линна потихоньку получал звания. Ему нравились задания, требовавшие знаний и опыта, и он всегда справлялся с ними. У него были знаки различия – “корона” и два “дубовых листочка”, но для особого служебного положения не хватало четырехгранного шнура. Йоне не хотелось становиться начальником – неинтересно. Войти в Государственную комиссию по расследованию убийств он отказался.

Этим декабрьским утром Йона Линна сидел в кабинете начальника полицейского управления. Слушая Элиассона, он не чувствовал усталости после долгой ночи в Тумбе и Каролинской больнице. Шеф говорил с заместителем главного патологоанатома Стокгольмского отделения судебной медицины, профессором Нильсом Оленом по прозвищу Нолен.

– Нет, мне нужно только знать, какое преступление было первым, – сказал Карлос и стал слушать. – Понимаю, понимаю... но судить еще рано, как вам кажется?

Йона, откинувшись на спинку стула, приглаживал растрепанные светлые волосы и смотрел, как лицо шефа наливается краской. Элиассон молча слушал монотонный голос Нолен, кивал, а потом положил трубку не прощаясь.

– Они... они...

– Они констатировали, что отца убили первым, – закончил за него Йона.

Карлос кивнул.

– Как я и говорил, – улыбнулся Йона.

Карлос опустил глаза и откашлялся.

– Ладно. Ты руководишь следственной группой, – сказал он. – Убийство в Тумбе – твое.

– Уже почти начал, – серьезно ответил Йона.

– Уже почти?

– Сначала я хочу кое-что услышать. Кто был прав? Кто был прав, ты или я?

– Ты! – заорал Карлос. – Ради бога, Йона, да что с тобой? Ты прав, как всегда!

Йона поднялся, прикрывая улыбку рукой.

– Теперь надо поговорить со свидетелем, пока не поздно.

– Будешь допрашивать мальчика? – спросил Карлос.

– Да.

– А с прокурором ты говорил?

– Я не собираюсь трезвонить о расследовании, пока у меня не будет подозреваемого.

– Я не это имел в виду, – сказал Карлос. – Я только подумал, что хорошо бы иметь за спиной прокурора, если ты собираешься беседовать с мальчиком, который так сильно пострадал.

– Ладно. Ты, как всегда, рассуждаешь разумно. Позвоню Йенсу, – согласился Йона и вышел.

Глава 3

*Вторник, восьмое декабря,
первая половина дня*

После встречи с шефом уголовной полиции Йона сел в машину и короткой дорогой поехал в Каролинский институт, в Стокгольмское отделение судебной медицины. Он повернул ключ в зажигании, включил первую скорость и аккуратно вывернул с парковки.

Прежде чем звонить главному прокурору, Йенсу Сванейельму, надо подумать, что ему известно о происшествии в Тумбе на данный момент. Папка, в которую Йона собрал сделанные в самом начале расследования заметки, лежала на пассажирском сиденье. Йона ехал к Сант-Эриксплан и вспоминал, что он докладывал в прокуратуру об исследовании места преступления и что содержится в записях ночной беседы с социальным отделом.

Йона проехал через мост, увидел слева бледный дворец Военной академии Карлберг и напомнил себе о риске, на который указали оба врача, говоря о допросе жестоко пострадавшего пациента. Надо было прокрутить в уме события последних двенадцати часов еще раз.

Карим Мухаммед бежал в Швецию из Ирана. Он был журналистом и оказался в тюрьме, когда в страну вернулся Рухолла Хомейни. Через восемь лет ему удалось бежать; он пересек турецкую границу и добрался до Германии, потом до Треллеборга. Теперь Карим уже почти два года служил у Ясмин Ябир, владелицы предприятия по уборке помещений “Йоханссонс”, располагавшегося в доме номер девять по Алис-Теньервэг в Туллинге. Предприятие получило от коммуны Бутчюрка заказ на уборку школ Туллингебергскулан, Вистаскулан и Бруэнгенскулан, бассейна Стурвретсбадет, гимназии в Тумбе, спортклуба в Тумбе и раздевалки спортклуба “Рёдстюхаге”.

Карим прибыл в “Рёдстюхаге” в понедельник, седьмого декабря, в 20:50. Вчера это было его последнее задание. Он поставил свой “фольксваген” – фургон на парковке, недалеко от красной “тойоты”. Проекторы на мачтах вокруг футбольного поля были выключены, но в раздевалке свет еще горел. Карим открыл заднюю дверь фургона, приладил пандус, забрался внутрь и отстегнул тележку с инвентарем.

Подойдя к низенькому деревянному строению и пытаясь вставить ключ в замок мужской раздевалки, он заметил, что дверь уже отперта. Он постучал и, не получив ответа, открыл дверь. Только заперев дверь на задвижку, он заметил на полу кровь. Карим прошел дальше, увидел мертвого мужчину, вернулся в машину и позвонил в службу спасения.

Центральная станция связалась с патрульным автомобилем на Худдингевэген, недалеко от железнодорожного вокзала Тумбы. В спортклуб отправили двух помощников полицейских – Яна Эрикссона и Эрланда Бьёркандера.

Пока Бьёркандер брал показания у Карима Мухаммеда, Эрикссон вошел в раздевалку. Он слышал что-то о жертве, подумал, вдруг человек еще жив, и поспешил к нему. Однако, перевернув жертву, полицейский понял: это невозможно. Тело страшно пострадало: не хватало правой руки, развороченная грудная клетка напоминала открытый шкаф, наполненный кровавым месивом. Прибыла машина скорой помощи, а следом за ней – полицейский инспектор Лиллемур Блум. С опознанием убитого проблем не возникло – Андерс Эк, преподаватель физики и химии в гимназии Тумбы, жена – Катя Эк, библиотекарь в центральной библиотеке Худдинге. Оба жили в доме номер восемь по Ердесвэген; двое детей, Лиса и Юсеф, на домашнем воспитании.

Так как было уже поздно, инспектор Лиллемур Блум дала ассистенту Эрланду Бьёркандеру задание поговорить с семьей жертвы. Сама она собиралась принять рапорт у Эрикссона и оцепить место преступления, как положено.

Эрланд Бьёркандер отправился в Тумбу, остановил машину возле дома Эков и позвонил в дверь. Когда никто не открыл, Бьёркандер обошел весь длинный дом, зажег фонарик и посветил в окно. Первым делом ему бросилась в глаза большая лужа крови на ковровом покрытии в спальне, полосы, будто кого-то тащили через дверь, и детские очки у порога. Не запрашивая подмоги, Бьёркандер вышиб балконную дверь и ввалился в комнату, держа оружие на изготовку. Он осмотрел весь дом, нашел трех жертв, немедленно вызвал на место полицию и скорую помощь и даже не заметил, что мальчик еще жив. Бьёркандер ошибся, и его вызов прозвучал на канале, охватывающем весь Стокгольм.

В 22:10 Йона Линна, садясь в машину на Дроттнингхольмсвэген, услышал печальное сообщение. Полицейский по имени Эрланд Бьёркандер кричал: дети зарублены, он в доме один, мать детей мертва, все мертвы. Чуть позже Бьёркандер, уже более собранный, докладывал с улицы, что инспектор Лиллемур Блум отправила его одного в дом на Ердесвэген. Внезапно он замолчал, промямлил что-то про “не тот канал” и отключился.

В автомобиле Йоны стало тихо. Дворники смахивали капли воды со стекла. Комиссар медленно ехал мимо Кристинеберга, думая о своем отце, который погиб, не успев ничего понять.

Возле школы Св. Стефана Йона съехал на обочину, раздраженный ошибками полицейского руководства в Тумбе. Ни один полицейский не должен выполнять подобные задания в одиночку. Йона вздохнул, вынул телефон и попросил соединить его с Лиллемур Блум.

Лиллемур Блум училась в высшей полицейской школе в те же годы, что и Йона. После стажировки она вышла замуж за коллегу из розыскного отдела по имени Еркер Линдквист. Через два года у них родился сын, которого назвали Данте. Еркер никогда не брал оплаченный отпуск по уходу за ребенком, хотя такой отпуск положен по закону. Это приносило деньги в семью, зато тормозило карьеру Лиллемур Блум. Еркер бросил жену ради молодой девушки, только что окончившей полицейскую школу, и Йона слышал, что он не навещает сына даже раз в две недели.

Лиллемур Блум ответила, и Йона коротко представился. Он продрался через вежливую болтовню, а потом изложил, что услышал по радио.

– Йона, у нас не хватает народу, – объяснила она. – Вот я и рассудила...

– Ну и что, что не хватает? – перебил он. – Черт знает что ты рассудила.

– Не хочешь слушать, – констатировала Лиллемур Блум.

– Почему? Хочу. Но...

– Ну так слушай!

– Ты не должна была отправлять Бьёркандера на место преступления одного, – продолжал Йона.

– Ты готов слушать?

Помолчав, Лиллемур Блум объяснила, что у инспектора уголовной полиции Эрланда Бьёркандера было задание только известить семью погибшего об утрате и что выломал балконную дверь и проник в квартиру он исключительно по собственной инициативе. Йона признал, что она поступила правильно, несколько раз извинился, а потом со всей возможной вежливостью спросил, что же случилось в Тумбе.

Лиллемур Блум пересказала доклад инспектора Бьёркандера о ножах и столовых приборах, которые лежали в крови на полу кухни, очках девочки, кровавых следах, отпечатках ладоней, а также телах и частях тел, разбросанных по квартире. Потом добавила, что Андерс Эк, которого она считала последней жертвой, был известен социальным властям как игроман. Он прошел санирование долгов, но тут же одолжил деньги у какой-то криминальной личности в коммуне. Теперь взыскивать должок явились к его семье, чтобы добраться до него. Лиллемур Блум описала разделанное, как туша, тело Андерса Эка в раздевалке, упомянула о найденных в душевой кабине охотничьем ноже и руке с содранной кожей. Она рассказала все, что ей было

известно о семье, и сообщила, что мальчика отвезли в больницу Худдинге. Несколько раз она повторила, что в полиции не хватает людей и что с обследованием места преступления придется подождать.

– Я его осмотрю, – сказал Йона.

– Зачем? – удивилась Лиллемур Блум.

– Хочу взглянуть на все это.

– Сейчас?

– Да. Спасибо, – ответил он.

– Здорово, – одобрила Лиллемур Блум. Что-то в ее голосе заставило его предположить, что она и вправду так думала.

Йона не сразу понял, что именно его так заинтересовало. Дело было не столько в серьезности преступления, сколько в том, что что-то не сходилось, в некоем противоречии между информацией, которую он получил, и сделанными выводами.

Съездив на оба места преступления, в раздевалку “Рёдстюхаге” и в Тумбу, в дом номер восемь по Ердесвэген, комиссар утвердился в мысли, что возникшее у него чувство вполне соответствует наблюдениям. Конечно, об уликах речь не шла, но увиденное оказалось настолько красноречивым, что не позволяло бросить расследование. Йона был уверен, что отца убили раньше, чем напали на остальных членов семьи. Во-первых, кровавые следы в раздевалке выглядели более энергичными по сравнению с отпечатками в доме, а во-вторых, у охотничьего ножа, лежавшего в душе раздевалки, оказалось сломано лезвие. Это могло объяснить, почему дома, на кухне, по полу были разбросаны столовые приборы: нападавший просто искал новое оружие.

Йона попросил терапевта из больницы Худдинге, как человека компетентного, помочь ему, пока едут судебный медик и техники из Государственной криминалистической лаборатории. Они тщательно обследовали квартиру, в которой было совершено преступление. Потом Йона связался с отделением судебной медицины в Стокгольме и потребовал тщательного патологоанатомического исследования.

Лиллемур Блум курила под фонарем возле распределительного ящика, когда Йона вышел из дома. Уже давно он не испытывал такого потрясения. Самая зверская жестокость обрушилась на маленькую девочку.

Криминалисты были уже в пути. Йона перешагнул через дрожавшую на ветру сине-белую пластиковую ленту, огораживавшую место преступления, и подошел к Лиллемур Блум.

Было темно и ветрено. Редкие сухие снежинки кололи лицо. В Лиллемур Блум был какой-то усталый шик: сейчас ее лицо от переутомления выглядело морщинистым, а красилась она ярко и небрежно. Йоне она всегда казалась красивой – прямой нос, высокие скулы и раскосые глаза.

– Вы уже начали расследование? – спросил он.

Она покачала головой и выпустила струйку дыма.

– Я начну, – сказал Йона.

– Тогда поеду домой, лягу спать.

– Звучит прекрасно, – улыбнулся он.

– Поехали вместе, – пошутила Лиллемур Блум.

– Посмотрю, нельзя ли поговорить с мальчиком.

– Верно. Я кое-что сделала. Позвонила в Линчёпинг, в Государственную криминалистическую лабораторию – просто чтобы они связались с больницей в Худдинге.

– Молодец.

Лиллемур Блум бросила сигарету и затоптала окурочек.

– А что вообще здесь делать государственной уловке? – спросила она, бросив взгляд на свою машину.

– Там будет видно, – пробормотал Йона.

Убийство не было связано с попыткой выколотить долг, снова подумал он. Что-то здесь не так. Кто-то хотел истребить всю семью, но движущие силы и мотив этого желания оставались загадкой.

Сев в машину, Йона снова позвонил в больницу Худдинге и узнал, что пациента перевели в Сольну, в нейрохирургию Каролинской больницы. Состояние мальчика ухудшилось через час после того, как криминалисты из Линчёпинга проследили, чтобы врач обеспечил ему биологический материал.

В полночь Йона поехал назад, в Стокгольм. На Сёдертельевэген он позвонил в социальную службу, чтобы согласовать допросы во время предварительного расследования. Его соединили с Сусанной Гранат, дежурным специалистом по поддержке свидетелей. Йона рассказал об особых обстоятельствах и попросил разрешения позвонить еще раз, когда состояние пациента станет более стабильным.

В отделении интенсивной терапии нейрохирургической службы Каролинской больницы Йона оказался в пять минут третьего ночи, а через пятнадцать минут встретился с лечащим врачом, Даниэлой Рикардс. Ее суждение было таково: мальчика нельзя допрашивать еще несколько недель, если он вообще выживет, с такими-то ранами.

– Он в состоянии медицинского шока, – сказала доктор Рикардс.

– Что это значит?

– Он потерял много крови, сердце пытается компенсировать потерю и бьется слишком быстро...

– Вам удалось остановить кровотечение?

– Думаю, да. Надеюсь. Мы все время переливаем кровь, но его организму не хватает кислорода, продукты распада после обмена веществ не выводятся, кровь окисляется и может повредить сердце, легкие, печень, почки.

– Он в сознании?

– Нет.

– Мне надо поговорить с ним, – сказал Йона. – Можно ли что-нибудь сделать?

– Ускорить выздоровление мальчика может только Эрик Мария Барк.

– Гипнотизер?

Доктор Рикардс широко улыбнулась и покраснела.

– Не говорите ему про гипноз, если хотите, чтобы он вам помогал, – предупредила она. – Он наш лучший специалист по шоковым состояниям и тяжелым травмам.

– Вы против того, чтобы я ему звонил?

– Наоборот. Я сама думала ему позвонить.

Йона сунул руку в карман, понял, что забыл мобильник в машине, и попросил телефон у Даниэлы Рикардс. Объяснив Барку положение дел, он снова позвонил в социальную службу Сусанне Гранат и предупредил, что надеется вскоре поговорить с Юсефом Эком. Сусанна сообщила, что семья есть у них в списках, что отец страдал лудоманией и что три года назад у семьи совершенно точно был контакт с дочерью.

– С дочерью? – недоверчиво переспросил Йона.

– Со старшей дочерью, Эвелин, – уточнила Сусанна.

Глава 4

Вторник, восьмое декабря

Эрик Барк вернулся домой после ночного посещения Каролинской больницы и встречи с комиссаром уголовной полиции Йоной Линной. Комиссар понравился Эрику, несмотря на попытку заставить его нарушить обещание навсегда покончить с гипнозом. Наверное, Эрику понравилась нескрываемая, искренняя тревога комиссара за старшую сестру. Кто-то в эту минуту шел по ее следам.

Эрик вошел в спальню и посмотрел на лежавшую в постели жену, Симоне. Он страшно устал, таблетки начали действовать, глаза слипались, скоро он уснет. Свет лежал на Симоне поцарапанной стеклянной пластинкой. С той минуты, как Эрик уехал, чтобы осмотреть мальчика, ночь почти прошла. Теперь Симоне заняла всю кровать. Тело тяжелое. Одеяло сбилося к ногам, ночная рубашка завернулась на талии. Симоне спала на животе. На руках и плечах – мурашки. Эрик осторожно накрыл жену одеялом. Она что-то тихо произнесла и свернулась калачиком. Эрик сел рядом и погладил ее запястье, посмотрел, как шевельнулись большие пальцы.

– Я приму душ, – сказал он и откинулся назад.

– Как звали полицейского? – пробормотала Симоне.

Не успев ответить, он очутился в роще Обсерватории. Он копается в песке на площадке и находит желтый камень – круглый, как яйцо, большой, как тыква. Эрик ощупывает его и ощущает на одной стороне неровности, какие-то царапучие шероховатости. Повернув тяжелый камень, он видит, что это череп динозавра.

– Черт! – выкрикнула Симоне.

Эрик дернулся и понял, что задремал. Сильные таблетки усыпили его прямо посреди разговора. Он попытался улыбнуться и встретил ледяной взгляд Симоне.

– Сиксан? Что случилось?

– Опять началось? – спросила она.

– Что?

– Что? – зло передразнила она. – Кто такая Даниэлла?

– Даниэлла?

– Ты обещал, ты дал слово, Эрик, – возмущенно сказала Симоне. – Я поверила тебе. Какая я была дура...

– Ты о чем? – перебил он. – Даниэлла Рикардс – моя коллега из Каролинской больницы. При чем здесь она?

– Не ври.

– Что за чепуха, – улыбнулся Эрик.

– По-твоему, смешно? – спросила Симоне. – Иногда я думаю... хотя я и постаралась все забыть.

Эрик задремал еще на несколько секунд, но все же услышал слова жены.

– Может быть, нам лучше развестись, – прошептала Симоне.

– Между мной и Даниэллой ничего не было.

– Не имеет значения, – устало сказала Симоне.

– Неужели? Не имеет значения? Ты хочешь развестись из-за какого-то случая десятилетней давности?

– Какого-то случая?

– Я был пьян и...

– Не желаю слушать, я все знаю, я... Черт, черт! Я не хочу играть эту роль. Я не ревнивая. Но я верный человек и требую верности в ответ.

– Я никогда больше тебе не изменял, никогда не...

– Тогда почему ты не докажешь мне свою верность? – перебила Симоне. – Ведь мне это так нужно.

– Просто доверяй мне.

– Ладно, – вздохнула она и ушла из спальни, прихватив подушку и одеяло.

Эрик тяжело вздохнул. Надо бы пойти за ней, не сдаваться, надо притащить ее обратно в кровать или лечь на полу возле дивана в гостевой комнате, но именно в эту минуту спать хочется всего сильнее. У Эрика больше не было сил сопротивляться сну. Он повалился на постель, чувствуя, как кровь разносит допамин по телу, блаженная вялость растекается по лицу, проникает в кончики пальцев. Тяжелый химический сон опустился на его сознание, словно облако муки.

Через два часа Эрик медленно открыл глаза. Сквозь шторы пробивался бледный свет. В голове пронеслись картины прошедшей ночи: жалобы Симоне и мальчик с сотней черных ножевых ран на блестящем теле. Глубокие раны на шее, горле и груди.

Эрик подумал про комиссара, который был убежден, что убийца хотел вырезать всю семью. Сначала отец, потом мать, сын и дочь.

На прикроватном столике зазвонил телефон.

Эрик поднялся, но не стал снимать трубку, а раздвинул шторы и глянул на фасад дома напротив, помедлил, пытаясь собраться с мыслями. Полоски пыли на окне были отчетливо видны под утренним солнцем.

Симоне уже ушла в галерею. Эрик так и не понял, что она имела в виду, говоря о Даниэле. Он задумался, не было ли дело в чем-то совершенно другом. Может быть, в таблетках? Он сознавал, что стоит на пороге серьезной зависимости. Но ему нужно спать. Ночные дежурства в больнице нарушали его сон. Без таблеток мне не обойтись, подумал Эрик и потянулся к будильнику, но сбил его на пол.

Телефон затих, но через мгновение зазвонил снова.

Эрик подумал, не пойти ли к Бенъямину. Полежать рядом с сыном, осторожно разбудить его, спросить, что ему снилось.

Он взял телефон со стола и ответил:

– Эрик Мария Барк.

– Доброе утро. Это Даниэлла Рикардс.

– Ты все еще в неврологии? А который час?

– Четверть девятого. Начинаю уставать.

– Поезжай домой.

– А вот и нет, – твердо сказала Даниэлла. – Это ты должен приехать в больницу. Комиссар уже едет. Кажется, он еще больше уверился, что убийца охотится за старшей сестрой. Твердит, что должен поговорить с мальчиком.

Внезапно Эрик ощутил темную тяжесть где-то в глазницах.

– Не сказал бы, что это хорошая идея, учитывая...

– А сестра? – перебила Даниэлла. – Мне кажется, я скоро дам комиссару добро на допрос Юсефа.

– Если считаешь, что у пациента хватит сил, – заметил Эрик.

– Хватит сил? Нет, конечно. Еще слишком рано, его состояние... Ему предстоит узнать, что случилось с его семьей, безо всякой подготовки, он не успеет защититься... Он может стать психопатом, он...

– Это тебе решать, – прервал ее Эрик.

– Да, я не хочу пускать к нему полицию. Но и не могу просто сидеть и ждать. Я хочу сказать – его сестра, безусловно, в опасности.

– Хотя...

– Убийца охотится за старшей сестрой. – Даниэлла повысила голос.

– Может быть.

– Прости. Не знаю, чего я так дергаюсь. Может, потому, что еще не поздно, еще можно что-нибудь сделать. Такое не часто случается, но в этот раз мы можем спасти девушку до того, как ее...

- Так что тебе надо? – перебил Эрик.
- Ты должен приехать сюда и сделать то, что у тебя так хорошо получается.
- Я могу поговорить с мальчиком о том, что произошло. Когда ему станет лучше.
- Приезжай и загипнотизируй его, – серьезно сказала Даниэлла.
- Нет, ни за что.
- Это единственный выход.
- Не могу.
- С тобой никто не сравнится.
- У меня даже нет разрешения заниматься гипнозом в Каролинской больнице.
- К твоему приезду оно будет.
- Но я обещал никогда больше не гипнотизировать.
- Ты можешь просто приехать в больницу?

Помолчав, Эрик спросил:

- Он в сознании?
- Скоро будет.

Он слышал в трубке свое собственное шумное дыхание.

– Если ты не загипнотизируешь мальчика, я разрешу полицейским войти.

Даниэлла отключилась.

Эрик остался стоять с трубкой в трясущейся руке. Тяжесть в глазницах покатилась дальше, в мозг. Он открыл тумбочку. Коробочки с попугаем в ней не оказалось. Наверное, забыл в машине.

Квартира была залита солнечным светом. Эрик пошел будить Бенямина.

Мальчик спал с открытым ртом. Бледное лицо выглядело утомленным, хотя Бенямин спал всю ночь.

– Бенни?

Бенямин разлепил сонные глаза и посмотрел на отца, словно видел его в первый раз. Потом улыбнулся – улыбка у него не менялась с самого рождения.

– Уже вторник. Пора просыпаться.

Бенямин сел, зевая, почесал голову, потом посмотрел на телефон, висевший у него на груди. По утрам мальчик первым делом проверял, не пропустил ли он ночью сообщение. Эрик достал желтую сумку с нарисованной пумой, в которой были десмопрессин, алкосприт, стерильные канюли, компрессы, хирургический скотч, болеутоляющее.

– Сейчас или во время завтрака?

Бенямин пожал плечами:

– Все равно.

Эрик быстро протер тонкую руку сына, повернулся к окну, чтобы было светлее, нащупал мягкую мышцу, постучал по шприцу и осторожно ввел канюлю под кожу. Пока жидкость медленно уходила из шприца, Бенямин свободной рукой нажимал кнопки телефона.

– Фигня, батарейка почти села, – сказал он и лег. Эрик наложил на руку компресс, чтобы остановить кровотечение. Бенямину пришлось сидеть довольно долго, прежде чем отец закрепил компресс специальным пластырем.

Эрик осторожно погребал руку сына, потом потренировал его хрупкие колени и под конец помассировал ему ступни и пальцы ног.

– Ну как? – спросил он, не отрывая взгляда от лица мальчика.

Беньямин скорчил рожу:

– Как всегда.

– Дать что-нибудь от боли?

Сын помотал головой, и Эрик вдруг подумал о лежащем без сознания свидетеле, мальчике с множеством ножевых ран. Может быть, в эту минуту убийца ищет старшую дочь.

– Пап, ты чего? – настороженно спросил Беньямин.

Эрик поднял на него глаза и сказал:

– Если хочешь, я отвезу тебя в школу.

– С чего это?

Машина медленно ползла в пробке. Беньямин сидел рядом с отцом, неровный ход машины укачивал его. Мальчик широко зевал, ощущая в теле что-то мягкое и теплое, оставшееся после ночного сна. Он думал, что отец торопится, но все же тратит время на то, чтобы отвезти его в школу. Беньямин улыбнулся. Всегда так, подумал он. Когда у папы что-то ужасное в больнице, он больше обычного волнуется, что со мной что-нибудь случится.

– Коньки забыли, – вдруг сказал Эрик.

– Точно.

– Возвращаемся.

– Нет, не надо, ну их, – сказал Беньямин.

Эрик собрался было поменять ряд, но ему помешал какой-то автомобиль. Сдавая назад, он чуть не столкнулся с мусоровозом.

– Быстро съездим домой и...

– Да наплевать на эти коньки, ну их на фиг, – громко повторил Беньямин.

Эрик удивленно глянул на него:

– Я думал, ты любишь кататься на коньках?

Беньямин не знал, что ответить. Он терпеть не мог, когда к нему приставали с расспросами, а врать не хотел.

– Не любишь? – спросил Эрик.

– Чего?

– Не любишь кататься на коньках?

– Почему это я должен любить коньки? – буркнул Беньямин.

– Мы купили совершенно новые...

– Ну что в этом интересного, – устало перебил мальчик.

– Так мне не ехать домой за коньками?

Беньямин только вздохнул в ответ.

– Коньки – скучно, – сказал Эрик. – Шахматы, игровая приставка – скучно. А что тебе интересно?

– Не знаю, – ответил мальчик.

– Ничего?

– Да нет...

– Кино смотреть?

– Иногда.

– Иногда? – улыбнулся Эрик.

– Да.

– Это тебе-то. Ты же смотришь по три-четыре фильма за вечер, – весело сказал Эрик.

– Ну и что?

– Да ничего, – ответил Эрик улыбаясь. – Что тут скажешь. Интересно, по сколько фильмов в день ты бы смотрел, если бы они тебе нравились. Если бы ты любил смотреть кино...

– Перестань.

– ...у тебя было бы два экрана, и ты бы ставил плеер на быструю перемотку, чтобы успеть посмотреть все.

Беньямин заулыбался. Невозможно удержаться, когда отец вот так балагурит.

Вдруг раздался глухой хлопок, и на небе показались голубые звездочки с дымными хвостами.

– Странное время для фейерверка, – заметил Беньямин.

– Что?

– Смотри, – показал Беньямин.

На небе висела дымная звезда. Беньямин почему-то представил себе Аиду. В животе у него что-то сжалось, а потом растеклось тепло. В пятницу они тихонько сидели, прижавшись друг к другу, на диване в темной гостиной дома у Аиды, в Сундбюберге. Они смотрели фильм “Слон”, а ее младший братишка играл с покемоновскими карточками на полу, бормоча что-то себе под нос.

Эрик остановил машину возле школы, и Беньямин сразу заметил Аиду. Она стояла по другую сторону ограды, ждала его. Увидев Беньямина, она помахала рукой. Мальчик схватил свою сумку и нервно попрощался:

– Пока, пап, спасибо, что подвез.

– Я люблю тебя, – тихо сказал Эрик.

Беньямин кивнул и вылез из машины.

– Посмотрим кино вечером? – спросил Эрик.

– Не знаю. – Мальчик поскущел.

– Это Аида?

– Да, – еле слышно ответил Беньямин.

– Пойду поздороваюсь, – заявил Эрик и вылез из машины.

– Ну зачем?

Они пошли к Аиде. Беньямин едва решался смотреть на нее, он чувствовал себя детсадовцем. Еще поверит, что ему хочется, чтобы папа поздоровался с ней. Ему было наплевать, что подумает отец. Аида с беспокойством смотрела, как они приближаются, переводя взгляд с одного на другого. Прежде чем Беньямин успел подойти к ней с каким-нибудь объяснением, Эрик протянул руку и сказал:

– Здравствуйте.

Аида настороженно пожала протянутую руку. Беньямин заметил, что отец дернулся, разглядев ее татуировку: на шее у Аиды была свастика. Возле свастики красовалась маленькая звезда Давида. Глаза Аида подвела черным, волосы заплела в две детские косички; на ней была черная кожаная куртка и широкая черная тюлевая юбочка.

– Я Эрик, папа Беньямина, – представился Эрик.

– Аида.

У девочки был тонкий тихий голос. Беньямин покраснел, взглянул на Аиду и опустил глаза.

– Вы нацистка? – спросил Эрик.

– А вы? – парировала она.

– Нет.

– И я тоже нет. – Аида неприязненно глянула на Эрика.

– Тогда почему у вас...

– Просто так, – перебила она. – Я просто так, только...

Вмешался Беньямин; его сердце тяжело стучало в груди от стыда за отца.

– Она угодила в какую-то компанию пару лет назад, – громко сказал он. – Но увидела, что там все придурки...

- Не надо ничего объяснять, – сердито перебила Аида.
Беньямин на мгновение умолк, потом сказал:
- Я... я только подумал, что отвечать за свои ошибки – это мужественно.
- Да, но я понял так, – возразил Эрик, – что это понимание неполное, если не убрана...
- Ну перестань! – закричал Беньямин. – Ты про нее ничего не знаешь.
- Аида повернулась и пошла прочь. Беньямин побежал за ней.
- Извини, – сказал он задыхаясь. – Папа иногда такой неловкий...
- Разве он не прав?
- Нет, – тихо ответил Беньямин.
- А по-моему, прав, – сказала Аида, слабо улыбнулась и взяла его за руку.

Глава 5

*Вторник, восьмое декабря,
первая половина дня*

Отделение судебной медицины располагалось в здании из красного кирпича, в доме номер пять по Рециусвэг, посредине обширного кампуса Каролинского института. Со всех сторон его окружали более высокие здания. Йона Линна объехал вокруг и остановил машину на гостевой парковке. Направляясь к главному входу, он прошел по замерзшему газону и стальному грузовому пандусу.

Йона думал: удивительно, что “обдукция” происходит от латинского слова “прикрывать”, хотя на самом деле патологоанатомы занимаются совершенно противоположным. Может быть, словом “обдукция” хотят обозначить то, чем заканчивается вскрытие: тело зашивают, и внутренности снова закрыты.

Отметившись у девушки на рецепции, комиссар получил разрешение пройти к Нильсу Олену, профессору судебной медицины, которого все звали Ноленом, за то что он подписывал свои отчеты “Н. Олен”.

Кабинет у Нолена модный: чистые ослепительно-белые и приглушенные светло-серые поверхности. Все тщательно продумано и дорого. Несколько стульев из полированной стали с белыми кожаными сиденьями. Свет падал на стол через висевшую над ним большую стеклянную пластину.

Нолен, не вставая, пожал Йоне руку. Под белым халатом у него была рубашка поло, на носу очки во французской оправе с белыми дужками. Худощавое лицо гладко выбрито. На голове ежик седых волос, губы бледные, нос длинный, кривоватый.

– Доброе утро, – просипел он.

На стене висела выцветшая фотография Нолена и его коллег: судебного врача, судебного химика, судебного генетика и судебного одонтолога. Все были в белых медицинских халатах и выглядели счастливыми. Медики окружали стол, на котором лежали темные обломки костей. Из текста под изображением следовало, что кости найдены в захоронении девятого века, обнаруженном возле торгового города Бирка³ на острове Бьёркё.

– Опять новая картинка, – сказал Йона.

– Приходится приклеивать фотографии скотчем, – недовольно откликнулся Нолен. – В старой патологичке была картина в восемь квадратных метров.

– Ох ты.

– Картина Петера Вайса.

– Писателя?

Нолен кивнул, и в его очках отразился свет лампы.

– Да, в сороковые годы он написал групповой портрет всего института. Полгода работы. Получил шестьсот крон, как я слышал. Мой отец тоже там есть, среди патологоанатомов, стоит в изножье возле Бертиля Фальконера.

Нолен склонил голову набок и повернулся к компьютеру.

– Сiju вот, ковыряюсь с отчетом вскрытия по убийству в Тумбе, – сказал он, помолчав.

– Да?

Нолен покосился на Йону:

– Утром звонил Карлос, искал меня.

– Я знаю, – улыбнулся Йона.

Нолен пальцем поправил очки.

³ Бирка – главный торговый город шведских викингов, древнейший город на территории современной Швеции.

– Потому что, естественно, важно определить время смерти.

– Да, нам надо было узнать, в каком порядке...

Нолен, надувшись, поглядел на экран:

– Это лишь предварительное заключение, но...

– Мужчина умер первым?

– Точно... Я исходил только из температуры тела. – Нолен ткнул пальцем в экран. –

Эриксон сказал, что в обоих помещениях, и в раздевалке, и в доме, была одинаковая температура, поэтому я рассудил, что мужчина умер примерно за час до тех двух, даже чуть больше.

– А сейчас у тебя другое мнение?

Нолен мотнул головой и со стоном поднялся.

– Грыжа позвоночника, – объяснил он, вышел из кабинета и похромал по коридору к патологоанатомическому отделению.

Йона двинулся за ним.

Они прошли мимо темного зала с патологоанатомическими столами из нержавеющей стали. Столы напоминали столешницы с мойкой, только с квадратными секциями и бортиками по краю. Нолен и Йона вошли в прохладное помещение, где тела, которые исследовали судебные медики, лежали в ящиках с температурой четыре градуса. Нолен остановился, проверил номер, выдвинул длинный ящик и увидел, что он пуст.

– Забрали, – улыбнулся медик и пошел по коридору. На полу отпечатались следы тысяч колесиков. Нолен открыл еще одну дверь и придержал ее, впуская комиссара.

Они оказались в ярко освещенном, выложенном белым кафелем зале с большими раковинами на стене. Вода из оранжевого шланга стекала в сток в полу. На длинном, покрытом пластиком патологоанатомическом столе лежало обнаженное бледное тело, на котором темнели сотни ран.

– Катя Эк, – констатировал Йона.

Черты лица мертвой женщины были удивительно умиротворенными, рот полуоткрыт, глаза смотрели спокойно. Она словно слушала прекрасную музыку. Выражение лица не вязалось с длинными резаными ранами на лбу и щеках. Йона окинул взглядом тело Кати Эк. Возле шеи уже начали проступать синие прожилки, словно на мраморе.

– Мы надеемся успеть провести вскрытие после обеда.

– Боже мой, – вздохнул Йона.

Открылась другая дверь, и вошел, неуверенно улыбаясь, какой-то молодой мужчина. На брови у него было несколько колечек, крашенные черные волосы, собранные в хвост, свисали на спину, на медицинский халат. Нолен, усмехнувшись, вскинул кулак в хардрокерском приветствии, на которое молодой человек немедленно ответил.

– Это Йона Линна из государственной уголовки, – объяснил Нолен. – Он из тех, кто иногда заходит проведать нас.

– Фриппе, – представился молодой человек и пожал Йоне руку.

– Специализируется в судебной медицине, – объяснил Нолен.

Фриппе натянул латексные перчатки. Комиссар подошел за ним к столу и почувствовал холодный неприятный запах, окружавший женщину.

– Ей, кажется, досталось меньше всего. – Нолен показал на труп. – Несмотря на множество резаных и колотых ран.

Они осмотрели убитую. Тело было покрыто большими и маленькими ранами.

– К тому же она, в отличие от остальных, ни покалечена, ни изрезана, – продолжил Нолен. – Непосредственная причина смерти – не рана на горле, а вот эта, проникающая в сердце. Если верить компьютерной томографии.

– На изображениях трудно найти кровотоки, – пояснил Фриппе.

– Проверим, когда вскроем ее, – сказал Нолен.

– Она сопротивлялась, – заметил Йона.

– Я думаю, что сначала она активно защищалась, – ответил Нолен. – На ладонях раны. Но потом, пытаясь спастись, она просто прикрывалась.

Нолен поймал взгляд молодого медика.

– Посмотри повреждения на руках, – предложил он.

– Раны, как при защите, – пробормотал Йона.

– Верно.

Йона нагнулся и заметил коричневатые пятнышки в открытых глазах женщины.

– Смотришь на солнышки?

– Да...

– Они проявляются только через несколько часов после смерти, а иногда и через несколько суток, – сказал Нолен. – Под конец чернеют. Это из-за того, что давление в глазницах падает.

Нолен взял с полки молоточек для проверки рефлексов и попросил Фриппе проверить идиомускулярную опухоль. Молодой медик стукнул по бицепсу женщины и пощупал мышцу после сокращения.

– Минимальная, – сказал он Йоне.

– Обычно так бывает через тридцать часов, – объяснил Нолен.

– Мертвые не совсем умерли, – вздрогнул комиссар. Ему почудилось, что вялая рука Кэти Эк шевельнулась.

– Mortui vivos docent – мертвые улыбаются живым, – ответил Нолен и улыбнулся, вместе с Фриппе переворачивая ее на живот.

Он указал на красно-коричневые пятна, расплывшиеся на ягодицах, пояснице и руках мертвой:

– Трупные пятна слабо проявляются, если жертва потеряла много крови.

– Это понятно.

– Кровь тяжелая, и когда человек умирает, давление в теле перестает поддерживаться, – объяснил Нолен Фриппе. – Это очевидно. Но кровь течет вниз, скапливается в низших точках и часто видна там, где труп контактировал с поверхностью, на которой лежал.

Он надавил большим пальцем на пятно на ноге, и оно почти исчезло.

– Вот видишь... Их можно убирать еще почти сутки после смерти человека.

– Кажется, я видел пятна на бедрах и на груди, – с сомнением в голосе сказал Йона.

– Браво. – Нолен посмотрел на него с немного удивленной улыбкой. – Не думал, что ты их заметишь.

– После смерти она лежала на животе, пока ее не перевернули, – по-фински сдержанно заметил Йона.

– Я бы предположил – два часа.

– Значит, убийца оставался два часа, – стал рассуждать комиссар. – Или же он либо кто-то еще вернулся на место преступления и перевернул ее.

Нолен пожал плечами:

– Я еще далеко не готов делать выводы.

– Можно спросить кое-что? Я заметил, что одна из ран на животе похожа на кесарево сечение...

Медики снова перевернули тело.

– Ты имеешь в виду вот это?

Нолен указал на длинный разрез, шедший вниз от пупка на пятнадцать сантиметров.

– Да, – подтвердил Йона.

– Я еще не успел осмотреть все раны.

– *Vulnera incisa s scissa*⁴, – сказал Фриппе.

– Да, похоже, что это резаная рана, говоря по-нашему, – подтвердил Нолен.

– Не колотая, – уточнил комиссар.

– Учитывая ровную форму и то, что здесь поверхность кожи не тронута...

Нолен указал на рану, и Фриппе нагнулся посмотреть.

– Да...

– Края, – продолжил Нолен. – Их не пережимали специально, чтобы избежать кровотечения, но...

Он внезапно замолчал.

– В чем дело? – спросил Йона.

Нолен посмотрел на него странным взглядом:

– Этот разрез сделан после смерти.

Патологоанатом стянул перчатки.

– Надо посмотреть, что там с компьютерной томографией, – нервно сказал он и подошел к компьютеру, стоящему на столе возле двери.

Нолен вывел на экран две трехмерные картинки, подумал и поменял угол.

– Рана как будто доходит до матки, – прошептал он. – Она, похоже, следует за старым рубцом.

– Старым? Что ты имеешь в виду? – спросил Йона.

– Разве не видишь? – улыбнулся Нолен и снова повернулся к телу. – Шрам после кесарева сечения.

Он указал на вертикальную рану. Йона нагнулся, чтобы рассмотреть получше, и увидел, что рана тянется вдоль тонкой ниточки старого бледно-розового шрама – давно зарубцевавшегося шрама от кесарева сечения.

– Но ведь в момент гибели она не была беременна? – спросил Йона.

– Нет, – усмехнулся Нолен и поправил пальцем очки.

– Мы имеем дело с убийцей с квалификацией хирурга?

Нолен покачал головой. Йона подумал, что кто-то убил Катю Эк с дикой, неистовой жестокостью. Через два часа убийца вернулся, перевернул ее на спину и разрезал старый шрам от кесарева сечения.

– Посмотри, нет ли чего-то подобного на других трупах.

– Искать такие разрезы в первую очередь? – спросил Нолен.

– Да, думаю, да.

– Ты в этом не уверен?

– Уверен.

– Значит, ты хочешь, чтобы мы искали в первую очередь всё.

– Ну, примерно так, – улыбнулся Йона и вышел из зала.

Садясь в машину, комиссар почувствовал, что мерзнет. Он завел мотор, выехал на Реци-усвэг, включил обогреватель и набрал номер главного окружного прокурора, Йенса Сванейельма. Тот ответил:

– Сванейельм.

– Это Йона Линна.

– Доброе утро... Я как раз только что говорил с Карлосом – он предупредил, что ты позвонишь.

– Трудновато пока сказать, что у нас есть.

– Ты сейчас в машине?

⁴ Рана, нанесенная ножницами (лат.).

– Только что закончил с судебными медиками, собираюсь заехать в больницу. Надо обязательно поговорить с выжившим мальчиком.

– Карлос объяснил мне ситуацию, – сказал Йенс. – Хорошо бы поторопиться. Профайлеры уже работают?

– Одного профайлинга недостаточно, – ответил Йона.

– Да, я знаю. Согласен с тобой. Если мы хотим хоть как-то защитить старшую сестру, необходимо поговорить с мальчиком. Только так.

Йона вдруг увидел фейерверк, совершенно беззвучный. Голубые звезды разлетелись над крышами Стокгольма.

– Я связался с... – продолжил Йона и откашлялся. – Я связался с Сусанной Гранат из социальной службы, а еще думаю взять с собой Эрика Барка. Он специалист по шоковым состояниям и травмам.

– Все своим чередом, – успокаивающе сказал Йенс.

– Тогда я еду прямо в нейрохиргию.

– Я так и подумал.

Глава 6

Ночь на восьмое декабря

Симоне что-то разбудило еще до того, как на ночном столике рядом с Эриком зазвонил телефон.

Эрик промычал что-то про шарики и серпантин, взял трубку и вышел из спальни.

Закрыв дверь, прежде чем ответить. Голос через стену казался мягким, почти ласковым. Через несколько минут Эрик проскользнул в спальню, и Симоне спросила, кто звонил.

– Какой-то полицейский... комиссар, я не расслышал, как его зовут, – ответил Эрик и объяснил, что ему придется поехать в Каролинскую больницу.

– Спи, Сиксан, – прошептал он и вышел из комнаты.

Ночная рубашка закрутилась вокруг тела и натянулась на левой груди. Симоне поправила ее, перевернувшись на бок и стала слушать, как Эрик ходит по коридору.

Он оделся, порывшись в гардеробе, ища что-то, вышел из квартиры и запер дверь. Через пару минут Симоне услышала, как за ним хлопнула дверь подъезда.

Симоне долго лежала в кровати, безуспешно пытаясь заснуть. Она подумала, что разговор Эрика был мало похож на беседу с полицейским – слишком не по-деловому звучал голос. А может быть, Эрик просто устал.

Симоне наведальась в туалет, выпила йогурта и снова легла. Вспомнила о том, что произошло десять лет назад, и больше уже не могла уснуть. Полежала с полчаса, потом села, зажгла свет и взяла телефон. Посмотрела на дисплей, нашла последние входящие звонки. Симоне подумала, что следовало бы выключить свет и спать, но вместо этого набрала номер. Три гудка. Потом что-то щелкнуло, и она услышала женский смех совсем рядом с трубкой.

– Эрик, перестань, – весело сказала женщина. Потом голос прозвучал ближе: – Даниэлла.

Симоне слышала, как женщина подождала, потом устало, с вопросительной интонацией произнесла “алоха” и отключилась. Симоне сидела, уставившись на телефон. Она пыталась сообразить, зачем Эрик сказал, что звонил полицейский, мужчина-полицейский. Симоне хотела найти этому подходящее объяснение, но не могла не думать о том, что произошло десять лет назад, когда она вдруг обнаружила, что Эрик обманывает ее, что он врет ей в лицо.

Это случилось в тот же день, когда Эрик объявил, что навсегда покончил с гипнозом.

В тот день, вспоминала Симоне, она, против обыкновения, не пошла в свою недавно открывшуюся галерею. Может, Бенъямин был дома, может, она взяла выходной – во всяком случае, утром она сидела возле светлого кухонного стола в квартире в Ерфелле, просматривая почту, и вдруг ей на глаза попался голубой конверт, адресованный Эрику. В графе “Отправитель” значилось только имя – Майя.

Бывают мгновения, когда каждой клеткой тела ощущаешь: что-то не так. У Симоне эта боязнь предательства, наверное, появилась после того, как она поняла, что отца обманывают. Он прослужил в полиции до самой пенсии и даже получил медаль за особые заслуги в розыскной работе, но ему понадобился не один год, чтобы обнаружить гнусную измену жены.

Симоне помнила, что она просто спряталась, когда между родителями разразилась жесточайшая ссора, кончившаяся тем, что мама ушла из семьи. Мужчина, с которым она встречалась последние несколько лет, оказался соседом, спившимся, преждевременно вышедшим на пенсию; когда-то он записал несколько пластинок с танцевальной музыкой. Мать уехала с ним в Испанию, во Фуэнхироу.

Симоне с отцом, стиснув зубы, продолжили жить дальше. Оказалось, что их всегда и было двое в семье. Симоне выросла; кожа у нее стала такой же веснушчатой, как у матери, те же светло-рыжие локоны. Но, в отличие от матери, Симоне всегда смеялась. Так однажды сказал Эрик – и ей понравились эти слова.

В юности Симоне хотела стать художником, но отказалась от этой мысли – не решилась. Ее отец, Кеннет, уговорил ее выбрать что-нибудь упорядоченное, стабильное. Они пошли на компромисс. Симоне начала посещать лекции по искусству, неожиданно почувствовала себя среди студентов на своем месте и написала несколько статей о шведском художнике Уле Билль-грене.

В университете она встретила Эрика. Он подошел к ней и поздравил – решил, что она получила докторскую степень. Обнаружив, что ошибся, он покраснел, извинился и хотел уйти. Но что-то – то, что он был не только высоким и красивым, но и деликатным – заставило ее продолжить разговор. Их беседа оказалась неожиданно интересной и веселой, они все говорили и говорили. На следующий день они встретились и пошли в кино, на “Фанни и Александер” Бергмана.

К тому моменту, когда Симоне дрожащими пальцами вскрыла конверт от Майи, она была замужем за Эриком уже восемь лет. На кухонный стол выпали десять фотографий. Фотографии были непрофессиональные. Неясное изображение женской груди крупным планом, рот, обнаженная шея, светло-зеленые трусики и черные крутые кудри. На одной из фотографий был Эрик. Он выглядел удивленным и счастливым. Майя оказалась милой, очень молоденькой женщиной с густыми темными бровями и большим серьезным ртом. Она лежала на узкой кровати в одних трусах, черные пряди упали на широкую белую грудь. Женщина выглядела счастливой, под глазами – краснота.

Трудно определить, что чувствуешь, когда обнаруживаешь: тебя обманывают. Лишь спустя долгое время все оборачивается печалью, сосущей пустотой в желудке и желанием уйти от горьких мыслей. Но Симоне запомнила, что первым ее чувством было изумление. Тупое удивление тому, что ее обманул кто-то, кому она безоглядно доверяла. Потом пришли стыд с отчаянным чувством несправедливости, яростный гнев и одиночество.

Симоне лежала в постели. Мысли толклись в голове и болезненно разбегались в разных направлениях. Наконец над городом начало светать. Перед тем как Эрик вернулся из Каролинской больницы, она ненадолго задремала. Он пытался не шуметь, но Симоне проснулась, когда он сел на кровать. Эрик сказал, что примет душ. По его виду Симоне определила, что он опять наглотался таблеток. С бьющимся сердцем она спросила, как звали полицейского, что звонил ночью, но Эрик не ответил. Симоне увидела, что он уснул прямо посреди разговора. Она сказала, что набрала номер, и ей ответила какая-то хихикавшая женщина, которая назвалась Даниэллой. Эрик не смог удержаться в состоянии бодрствования и снова задремал. Тогда она закричала на него, стала требовать ответа, упрекать, что он разрушил все именно тогда, когда она снова поверила ему.

Симоне сидела в постели и смотрела на мужа. Казалось, что он не понимает ее возмущения. Она подумала, что больше не останется с ним. И произнесла слова, которые много раз обдумывала, но которые всегда казались ей такими далекими, такими мучительными и означали крах всего:

– Наверное, нам лучше развестись.

Симоне вышла из спальни, прихватив подушку и одеяло, услышала, как скрипнула кровать у нее за спиной. Она надеялась, что муж пойдет за ней, утешит, расскажет, что случилось. Но он остался в постели, и Симоне закрылась в комнате для гостей. Она долго плакала, потом высморкалась. Легла на диван и попыталась уснуть, но поняла, что сегодня утром не в силах видеть свою семью. Симоне пошла в ванную, умылась, почистила зубы, накрасилась и оделась. Бенджамин еще спал. Она оставила записку у него на столе и вышла из квартиры, чтобы позавтракать где-нибудь по дороге в галерею.

Симоне долго сидела и читала в кафе с огромными окнами в Королевском парке, пытаясь впихнуть в себя бутерброд. В окно она видела десятки людей, готовящихся к какому-то представлению. Перед большой стеной развернули розовые шатры. Вокруг площадки поставили

ограждение. Вдруг кто-то по ошибке пустил петарду: сверкнуло, в воздух взлетел фейерверк. Люди дернулись и что-то закричали друг другу. Ракета взорвалась прозрачно-синим в светлом небе, и эхо хлопка прокатилось между фасадами домов.

Глава 7

*Вторник, восьмое декабря,
первая половина дня*

Двое раскрошившихся, словно бы изъеденных коррозией людей держат серый эмбрион. Художник Сим Шульман смешал охру, гематит, оксид магния и уголь с животным жиром, а потом быстрыми мазками нанес краски на большие каменные плиты. Мягкие, полные любви черты. Вместо карандаша Шульман использовал палочку с обугленным концом. Эту технику он позаимствовал у мадленской культуры. Пятнадцать тысяч лет назад удивительные пещерные художники как никогда правдоподобно рисовали яростно рвущихся вперед быков, играющих оленей и танцующих птиц.

Вместо зверей Сим Шульман рисовал людей: теплых, парящих в воздухе и как бы случайно находящихся контурами друг на друга. Когда Симоне увидела его работы в первый раз, она немедленно предложила ему персональную выставку в своей галерее.

Свои густые черные волосы Шульман обычно собирал в хвост на макушке. Темные резкие черты лица выдавали наполовину иракское происхождение. Он вырос в Тенсте, где его мать-одиночка, Анита, работала продавщицей в супермаркете “Иса”.

В двенадцать лет Шульман связался с молодежной бандой, члены которой упражнялись в единоборствах и отнимали у подростков деньги и сигареты. Однажды утром Сима нашли на заднем сиденье стоящего на парковке автомобиля. Он нанюхался клея и лежал без сознания, температура тела упала, и когда скорая наконец прибыла в Тенсту, его сердце остановилось.

Сима спасли, и он начал проходить реабилитационную программу для молодежи. Он должен был окончить среднюю школу и освоить какую-нибудь профессию. Сим заявил, что хочет быть художником, не очень понимая, что это значит. Социальный служащий связался со Школой культуры и шведским художником Чеве Линдбергом. Шульман рассказывал Симоне, что он испытал, придя в первый раз в ателье Линдберга. В огромной светлой комнате пахло скипидаром и масляной краской. На двух столах разевали рты ссорящиеся лица. Год спустя Шульмана приняли в Академию искусств как самого юного за всю ее историю ученика. Шульману было всего шестнадцать.

– Нет, каменные плиты надо расположить пониже, – сказала Симоне Ильве, своей помощнице. – Чтобы фотограф осветил их не в лоб. В каталоге будет смотреться красиво. Мы просто поставим их на пол, прислоним к стене и направим свет...

– Ой-ой-ой, а вон и наш душка идет, – прервала ее Ильва.

Симоне обернулась: какой-то мужчина дергал ручку двери. Она сразу его узнала. Художник по фамилии Норен считал, что галерея обязана устроить ему персональную выставку, показать его акварели. Норен стучал в дверь и что-то раздраженно кричал через стекло, пока не сообразил, что дверь открывается от себя.

Невысокий плотный мужчина вошел, огляделся и направился напрямик к ним. Ильва ретировалась в кабинет, сказав что-то про телефон.

– Дамочки. Чуть что – сразу в туалет, – хмыкнул он. – С кем-нибудь из мужиков можно переговорить?

– А в чем дело? – сухо спросила Симоне.

Норен кивнул на картины Шульмана:

– Это что, искусство?

– Да.

– Милые дамы, – презрительно бросил Норен, – все никак не наглядитесь на это говно?

– Уходите, – сказала Симоне.

– Не говорите мне, что...

– Исчезните, – оборвала она.

– Пошла в задницу, – не остался в долгу Норен и вышел из галереи. За дверью повернулся и выкрикнул что-то, схватив себя за промежность.

Помощница осторожно, как кошка, вышла из кабинета, неуверенно улыбаясь.

– Простите, что я сбежала. Черт, я так испугалась, когда он тут был в прошлый раз, – сказала она.

– Лучше быть как Шульман, правда?

Симоне улыбнулась и показала на большой портрет художника, где он позировал в черном костюме ниндзя, с поднятым над головой мечом.

Обе рассмеялись и решили купить себе по костюму. Тут у Симоне в сумочке зажужжал телефон.

– Галерея Симоне Барк.

– Это Сив Стурессон из школы, – послышался в трубке голос немолодой женщины.

– А, да, – неуверенно ответила Симоне. – Здравствуйте.

– Я звоню спросить, что с Беньямином.

– С Беньямином?

– Его сегодня нет в школе, – объяснила женщина, – и он не сообщал, что болен. В таких случаях мы всегда звоним родителям.

– Вот что, – сказала Симоне. – Я позвоню домой и проверю. И Беньямин, и Эрик были дома, когда я уходила. Я перезвоню.

Она нажала “отбой” и тут же набрала домашний номер. Проспать или наплевать на правила – на Беньямина это непохоже. Симоне с Эриком иногда тревожились из-за того, что их сын чересчур организованный.

По домашнему телефону никто не отвечал. Наверное, Эрик опять проспал все утро. На миг Симоне снова охватил гнев. Потом она подумала, что муж, наверное, храпит, одурманенный снотворным, а Беньямин слушает громкую музыку. Симоне набрала номер Беньямина. Никто не ответил. Симоне наговорила короткое сообщение и набрала номер мобильного телефона Эрика, но он, конечно, был выключен.

– Ильва, – крикнула она, – мне надо съездить домой. Я скоро вернусь.

Помощница выглянула из кабинета с толстой папкой в руке, улыбнулась и ответила:

– Целую!

Симоне не нашла в себе сил пошутить в ответ. Она схватила сумку, набросила на плечи пальто и почти бегом кинулась к метро.

Перед дверями пустого дома бывает особая тишина. Уже вставляя ключ в замочную скважину, Симоне знала, что в квартире никого нет.

Забутые коньки валялись на полу, но рюкзака, ботинок и куртки Беньямина не было, не было и верхней одежды Эрика. В комнате сына лежала сумка с лекарствами. Симоне подумала: можно надеяться, что Эрик ввел Беньямину фактор.

Она села на стул, закрыла лицо руками и попыталась прогнать панические мысли. Одновременно перед ее внутренним взором мелькали картины: вот у Беньямина случился тромб из-за лекарства, Эрик зовет на помощь; может быть, как раз сейчас он бежит вниз по длинной лестнице с Беньямином на руках.

Симоне никак не могла совладать с тревогой. Ей вечно мерещилось, как Беньямину на перемене в лицо попадает баскетбольный мяч или как у него вдруг случается спонтанное кровоизлияние в мозг: темная жемчужина в мозгу расширяется, как звезда, и растекается по извилинам.

Симоне мучилась от почти невыносимого стыда, вспоминая, как она теряла терпение из-за того, что Беньямин не хотел ходить. Ему было два года, а он все еще ползал. Они еще не знали, что у него заболевание крови и что, когда он становится на ноги, в суставах лопаются

кровеносные сосуды. Симоне кричала на него, когда он плакал. Когда мальчик ползал, она твердила, что он похож на грудничка. Бенъямин пытался ходить, делал несколько шагов, но острая боль валила его на пол.

После того как Бенъямину поставили диагноз – болезнь фон Виллебранда, – именно Эрик, а не она, Симоне, взял на себя заботу о сыне. Именно Эрик осторожно сгибал и разгибал суставы Бенъямина после ночной неподвижности, чтобы уменьшить риск внутреннего кровотечения. Именно Эрик делал сложные инъекции, когда шприц нельзя вкалывать в мышцу, а следует осторожно и медленно опорожнять под кожу. Это гораздо болезненнее, чем обычный укол. В первые годы Бенъямин сидел, уткнувшись носом в папин живот, и тихо плакал, когда игла входила под кожу. Сейчас он продолжал завтракать, не глядя на шприц, – просто протягивал руку Эрику, который протирал кожу, делал инъекцию и заклеивал место укола пластырем.

Препарат, помогавший крови Бенъямина сворачиваться, назывался “Гемате”. Название звучало для Симоне как имя греческой богини мести. Это было отвратительное, не особо действенное лекарство, которое продавалось в виде замороженного золотистого порошка. Перед применением его надо было растворять и размешивать, доводить до нужной температуры и дозировать. “Гемате” значительно повышал риск образования тромбов, и Симоне с мужем все надеялись, что появится что-нибудь получше. Но с “Гемате”, высокой дозой десмопрессина и спреем “Циклокапрон”, предотвращавшим кровотечения в слизистой оболочке носа, Бенъямин был в относительной безопасности.

Симоне до сих пор помнила, как в Мальмё, в отделении гемофилии, им дали маленькую ламинированную карточку риска Бенъямина с его именной фотографией. Под смеющейся четырехлетней физиономией текст: “У меня болезнь фон Виллебранда. Если со мной что-нибудь случится, позвоните в отделение гемофилии по телефону 040 33 10 10”.

Она заглянула в комнату Бенъямина, подумала: немножко грустно, что он снял со стены плакат с Гарри Поттером и убрал почти все игрушки в коробку, стоящую в чулане. Он торопился стать взрослым, с тех пор как повстречал Аиду.

Симоне постояла, подумала: может быть, Бенъямин сейчас с ней?

Бенъямину всего четырнадцать, Аиде – шестнадцать. Он говорит, что они приятели, но ясно, что она его девушка. Симоне гадала, решился ли он сказать Аиде про свою болезнь. Знает ли она, что, если Бенъямин не примет лекарство вовремя, это может стоить ему жизни?

Со дня знакомства с Аидой Бенъямин носил на груди, на черной ленточке с черепами, мобильный телефон. Они посылали друг другу сообщения глубоко за полночь, и когда Бенъямина утром будили, телефон висел у него на шее.

Симоне тщательно просмотрела бумаги и журналы на столе Бенъямина, открыла ящик, сдвинула книгу о Второй мировой войне и обнаружила клочок бумаги с отпечатком губной помады и номером телефона. Она побежала на кухню, набрала номер и, ожидая соединения, выбросила в мусорное ведро вонючую губку. На том конце неожиданно сняли трубку.

Слабый скрипучий голос, тяжелое дыхание.

– Здравствуйте, – сказала Симоне, – простите за беспокойство. Меня зовут Симоне Барк, я мама Бенъямина. Скажите, пожалуйста...

Голос, как будто женский, прошипел:

– Не знаю никакого Бенъямина, вы, наверное, ошиблись номером.

– Подождите, пожалуйста, подождите, – заторопилась Симоне, стараясь взять себя в руки. – Аида дружит с моим сыном. Может быть, вы знаете, где они могут быть? Мне нужно найти Бенъямина.

– Тен... тен...

– Я не слышу. Простите, я не слышу, что вы говорите.

– Тен... ста.

– Тенста? Аида в Тенсте?

– Да, эти чертовы... татуировки.

Симоне показалось, что где-то медленно работает кислородный аппарат – в трубке слышалось равномерное шипение.

– Что вы сказали? – умоляюще переспросила она.

Женщина что-то фыркнула в ответ и бросила трубку. Симоне сидела, глядя на телефон, и думала, не позвонить ли женщине еще раз, как вдруг до нее дошло: татуировки в Тенсте. Она тут же позвонила в справочную и получила адрес салона в центре Тенсты. Симоне вздрогнула всем телом, представив себе, что Беньямина в этот момент как раз уговаривают сделать татуировку; и вот кровь течет, течет и не может свернуться.

Глава 8

*Вторник, восьмое декабря,
первая половина дня*

Оставив Бенямина в школе и идя по больничному коридору, Эрик думал, как глупо было комментировать татуировку Аиды. Чего он добился? Только того, что теперь она будет считать его самодовольным занудой.

Двое полицейских в форме пропустили его в отделение. У дверей палаты, в которой лежал Юсеф Эк, уже ждал Йона Линна. Увидев Эрика, он улыбнулся и помахал ему, словно ребенок, изображающий “пока-пока”.

Эрик остановился рядом с ним и взглянул на пациента через окошко в двери. Над мальчиком висел пакет с почти черной кровью. Состояние было стабильным, но новые кровоизлияния в печень могли случиться когда угодно.

Мальчик лежал на спине, губы крепко сжаты, живот поднимался и опускался неравномерно, пальцы вздрагивали.

В сгиб локтя вставили новый катетер. Медсестра готовила морфин для инфузии.

– Я был прав, когда говорил, что преступник начал со спортклуба, – сказал Йона. – Сначала он убил отца, Андерса Эка, потом поехал домой и убил Лису, младшую дочь, думал, что убил сына, а потом убил мать, Катю.

– Патологоанатом подтвердил?

– Да.

– Понятно.

– Так что если преступник задался целью истребить всю семью, – продолжил Йона, – остается только старшая дочь, Эвелин.

– Если он не узнал как-нибудь, что мальчик остался в живых.

– Верно. Но мальчика мы можем защитить.

– Можем.

– Надо найти убийцу, пока не поздно, – сказал комиссар. – Мне необходимо услышать, что знает мальчик.

– Но я обязан соблюдать интересы пациента.

– Может быть, найти сестру – как раз в его интересах.

– Я тоже об этом думал. Взгляну на него еще раз, – сказал Эрик. – Но я почти уверен, что допрашивать его рановато.

– Ладно.

Торопливо вошла Даниэлла в широком красном пальто, сказала, что ей нужно бежать, и оставила начатую историю болезни.

– Я думаю, – объяснил Эрик Йоне, – что пациент довольно быстро, уже через несколько часов, придет в себя, и с ним можно будет поговорить. Но после этого... вы должны понимать, у нас впереди долгий лечебный процесс. Из-за допроса состояние мальчика может ухудшиться настолько, что...

– Эрик, никому не интересно, что мы думаем, – прервала его Даниэлла. – Прокурор принял решение, что для допроса имеются веские причины.

Эрик повернулся и вопросительно посмотрел на комиссара:

– Так вам не нужно наше согласие?

– Нет.

– Тогда чего вы ждете?

– Я думаю, что Юсеф настрадался больше чем достаточно, – ответил Йона. – Не хочу, чтобы ему что-то навредило. Но я должен разыскать его сестру раньше, чем ее найдет убийца.

А мальчик наверняка видел лицо преступника. Если вы не поможете мне поговорить с мальчиком, я проведу допрос как обычно. Но, разумеется, я предпочел бы сделать как лучше.

– Как это “как лучше”? – спросил Эрик.

– С помощью гипноза.

Эрик посмотрел на Йону и медленно сказал:

– У меня даже нет разрешения на проведение сеанса.

– Я говорила с Анникой, – вмешалась Даниэлла.

– И что она? – Эрик не смог удержаться от улыбки.

– Вряд ли это такой уж распространенный ход – подвергать гипнозу пациента в нестабильном состоянии и к тому же несовершеннолетнего. Но так как за пациента отвечаю я, Анника предоставила мне принимать решение.

– Как бы мне хотелось этого избежать, – сказал Эрик.

– Почему? – спросил Йона.

– Не хочу говорить об этом, но я обещал никогда больше не гипнотизировать. И считаю, что это было правильное решение.

– А в нашем случае? – не унимался Йона.

– Не знаю.

– Сделай исключение, – сказала Даниэлла.

– Значит, все-таки гипноз, – вздохнул Эрик.

– Сделай попытку, как только установишь, что пациент хоть немного поддается гипнозу, – попросила Даниэлла.

– Хорошо бы, чтобы ты была рядом, – сказал Эрик.

– Я даю добро на гипноз, – объяснила она. – При условии, что ты возьмешь на себя ответственность за пациента.

– Значит, я действую в одиночку?

Даниэлла устало посмотрела на него:

– Я работала всю ночь, обещала проводить Тиндру в школу, я ломала голову над этой проблемой вчера вечером... Мне надо поехать домой и поспать.

Эрик смотрел, как она уходит по коридору. Красное пальто развевалось у нее за спиной. Йона через окошко взглянул на пациента. Эрик пошел в туалет, запер дверь, умылся, оторвал несколько сероватых бумажных салфеток, промокнул лоб и щеки. Достал телефон и позвонил Симоне, но никто не ответил. Эрик попробовал набрать домашний номер, послушал гудки и приветствие автоответчика. Когда раздался писк и началась запись, Эрик не мог сообразить, что сказать:

– Сиксан, я... Выслушай меня, я не знаю, о чем ты подумала, но ничего не было. Может, для тебя это ничего не значит, но, честное слово, я найду способ доказать тебе, что я...

Эрик замолчал. Он не знал, значат ли еще что-то его слова. Он солгал жене десять лет назад и до сих пор не сумел показать ей, как любит ее. Все было не то и не так, она по-прежнему не доверяла ему. Эрик нажал “отбой”, вышел из туалета и дошел до двери со стеклянным окошком, в которое заглядывал комиссар.

– Что такое гипноз? – помолчав, спросил Йона.

– Речь идет только об изменениях в сознании, связанных с внушением и медитацией.

– Так, – помедлив, ответил комиссар.

– Употребляя слово “гипноз”, вы на самом деле говорите о гетерогипнозе, когда один человек гипнотизирует другого с какой-либо целью.

– Например?

– Например, вызвать отрицательные галлюцинации.

– Какие?

– Самое обычное – не дать сознанию сконцентрироваться на боли.

– Но боль-то остается.

– Это зависит от того, что называть болью, – объяснил Эрик. – Конечно, пациент отвечает на болевое раздражение физиологическими реакциями, но боли не ощущает. С клиническим гипнозом можно даже проводить хирургические операции.

Йона что-то записал у себя в блокноте.

– С нейрофизиологической точки зрения, – продолжал Эрик, – под гипнозом мозг работает особым образом. Активизируются те участки мозга, которые мы обычно не используем. Загипнотизированный человек глубоко расслаблен, выглядит почти спящим, но если снять энцефалограмму, то она будет как у человека бодрствующего и внимательного.

– Мальчик иногда открывает глаза, – сказал Йона и снова заглянул в окошко.

– Я видел.

– Что может быть потом?

– С пациентом?

– Да, когда вы его загипнотизируете.

– При динамическом гипнозе, связанном с терапией, пациент почти всегда разлагает себя на наблюдающее “я” и одно или несколько чувствующих и действующих “я”.

– Он смотрит спектакль со своим участием?

– Да.

– Что вы собираетесь ему сказать?

– В первую очередь я должен внушить ему ощущение безопасности, мальчик прошел через страшные вещи. Поэтому я начну с того, что объясню свою цель, а потом перейду к расслаблению. Спокойным голосом скажу, что веки тяжелеют, что ему хочется закрыть глаза, что он глубоко дышит носом, пройду по мышцам всего тела сверху вниз и вернусь обратно.

Эрик подождал, пока Йона запишет.

– После этого я перейду к тому, что называется индукцией. Я дам несколько скрытых команд и сделаю так, что пациент представит себе места и простые действия, я буду уводить его мысли все дальше и дальше, пока потребность контролировать ситуацию не исчезнет почти полностью. Это примерно как читать книгу, когда чтение захватывает так, что уже не осознаешь, что просто сидишь и читаешь.

– Понимаю.

– Если в этот момент поднять руку пациента и отпустить ее, то она не упадет, как при каталепсии. Значит, индукция завершилась. После индукции я начну обратный отсчет и продолжу углублять гипноз. Чтобы размыть мысли пациента, я обычно считаю, другие предлагают пациентам представлять себе оттенки серого. На практике происходит следующее: страх или тяжелые мысли определенным образом блокируются и выводятся из игры.

– Вам удастся загипнотизировать его?

– Если он не будет сопротивляться.

– А что тогда? – спросил Йона. – Что случится, если он будет сопротивляться гипнозу?

Эрик не ответил. Он рассматривал мальчика через окошко, пытаясь прочесть по его лицу, насколько он восприимчив.

– Трудно сказать, что мне удастся выяснить – может, что-нибудь важное, а может, не очень, – объяснил он.

– Я не охочусь за свидетельскими показаниями. Мне просто нужен намек, знак – что-то, с чем можно продолжать расследование.

– Значит, мне только надо выяснить, кто его ранил?

– Хорошо бы, чтобы мальчик назвал имя, или место, или что-нибудь с ним связанное.

– Не могу сказать, получится ли это. – Эрик перевел дыхание.

Йона вошел следом за ним в палату, сел на стул в углу, сбросил ботинки и откинулся на спинку. Эрик приглушил свет, придвинул металлическую табуретку и сел у кровати. Он

осторожно начал объяснять мальчику, что хочет загипнотизировать его, чтобы помочь ему понять, что произошло вчера.

– Юсеф, я буду сидеть здесь все время, – спокойным голосом говорил Эрик. – Бояться нечего. Я здесь ради тебя; если не хочешь чего-то говорить – не говори. Ты можешь прервать сеанс, когда захочешь.

Только теперь Эрик понял, как он соскучился по гипнозу. Гулко забилося сердце. Нужно умерить рвение. Нельзя форсировать процесс, нельзя торопиться. Его надо наполнить умиротворением, позволить медленно двигаться вперед, наслаждаясь его плавным течением.

Привести мальчика в расслабленное состояние оказалось легко – он уже лежал спокойно и, казалось, хотел расслабиться еще больше.

Эрик начал индукцию. Он словно никогда и не прекращал заниматься гипнозом: голос низкий, уверенный и ровный, сами собой приходят нужные слова, нисходящая интонация усыпляет.

Эрик сразу ощутил, насколько Юсеф восприимчив к гипнозу. Мальчик словно интуитивно пытался зацепиться за надежное спокойствие, проводником которого был Эрик. Его израненное лицо отяжелело, черты расслабились, губы разжались.

– Юсеф, если хочешь... Представь себе воскресенье, – сказал Эрик. – Тебе хорошо, приятно. Ты лежишь в деревянной лодочке, она тихо покачивается. Плещет вода, а ты смотришь, как облака плывут по синему небу.

Мальчик так хорошо отвечал на индукцию, что Эрик подумал, не надо ли чуть замедлить процесс. Он знал, что тяжелые переживания могут обострить гипнотическую восприимчивость, что внутреннее напряжение может подействовать как запущенный в обратную сторону мотор; торможение происходит с неконтролируемой скоростью, и обороты быстро падают до нуля.

– Сейчас я начну считать задом наперед, и с каждой новой цифрой ты будешь все больше расслабляться. Ты почувствуешь, как тебя наполняет приятный покой. Расслабь пальцы, запястья, икры. Тебя ничто не тревожит, все вокруг полно покоя. Слушай только мой голос, цифры в обратном порядке. Теперь ты расслабился еще больше, тело тяжелеет, расслабляются колени, дальше бедра, и до самого паха. Одновременно ты чувствуешь, что опускаешься вниз, плавно и приятно. Вокруг тебя тишина и покой, ты расслабился.

Эрик положил руку мальчику на плечо, перевел взгляд на его живот и начал обратный счет: выдох – цифра, выдох – цифра. Иногда он отступал от шаблона, но продолжал считать. Ощущение похожей на сон легкости и физической силы наполняло Эрика. Он считал и одновременно видел самого себя погружающимся в чистую, насыщенную кислородом воду. Он почти позабыл это чувство синего моря, океана. Улыбаясь, он опускался вдоль мощного разлома в скале. Трещина в континенте, уходящая на неимоверную глубину. Вода блестела от крошечных пузырьков. Чувство счастья переполняло тело; Эрик, почти невесомый, опускался вдоль шероховатой стены.

У мальчика уже проявились признаки гипнотического покоя. Щеки и рот расслабились. Эрику всегда казалось, что лица у пациентов становятся шире и как будто плоскими. Менее красивыми, но беззащитными и искренними.

Эрик погружался все глубже; он вытянул руку и коснулся скалы, мимо которой проплыл. Светлая вода медленно порозовела.

– Теперь ты глубоко расслабился, – спокойным голосом говорил Эрик. – Все вокруг очень, очень приятно.

Глаза мальчика блеснули из-под полуопущенных век.

– Юсеф... попробуй вспомнить вчерашний день. Он начался как обычный понедельник, но вечером к вам пришел один человек.

Мальчик не произнес ни звука.

– Теперь расскажи мне, что произошло.

Мальчик едва заметно кивнул.

– Ты сидишь в своей комнате? Так? Слушаешь музыку?

Юсеф не ответил. Рот искривился, словно мальчик не знал, что сказать.

– Когда ты пришел из школы, мама была дома, – продолжал Эрик.

Мальчик кивнул.

– Почему? Ты знаешь почему? Из-за того, что у Лисы температура?

Мальчик кивнул и облизал губы.

– Что ты делаешь, придя из школы?

Мальчик что-то прошептал.

– Не слышу, – сказал Эрик. – Скажи, чтобы я услышал.

Губы мальчика дрогнули, и Эрик наклонился к нему.

– Как огонь, совсем как огонь, – пробормотал Юсеф. – Я хочу зажмуриться, иду на кухню, но не могу войти. Между стульями трещит, красный огонь горит на полу.

– Откуда этот огонь? – спросил Эрик.

– Не помню. Перед этим что-то было...

Он снова замолчал.

– Вернемся немного назад, до того, как кухня загорелась, – сказал Эрик.

– Там кто-то есть, – проговорил мальчик. – Я слышу, как кто-то стучит в дверь.

– Входную дверь?

– Не знаю.

Лицо мальчика вдруг напряглось, он беспокойно застонал, нижние зубы обнажились в странной гримасе.

– Тебе ничто не угрожает, – сказал Эрик. – Юсеф, тебе ничто не угрожает, здесь ты в безопасности. Ты спокоен, тебя ничто не тревожит. Ты только смотришь на то, что происходит. Ты не там, ты смотришь на события издалека, это совсем не опасно.

– Голубые ноги, – прошептал мальчик.

– Что?

– Стучат в дверь, – пробормотал мальчик. – Я открываю, но там никого нет, я никого не вижу. А стук продолжается. Кто-то дразнит меня.

Раненый задышал быстрее, живот вздымался неровно.

– Что происходит теперь? – спросил Эрик.

– Я иду на кухню и хочу сделать бутерброд.

– Ты ешь бутерброд?

– Опять застучали, звук идет из комнаты Лисы. Дверь приоткрыта, я вижу, что у нее горит лампа. Я осторожно поддеваю дверь ножом и заглядываю в комнату. На Лисе очки, она зажмурилась и пыхтит. У нее белое лицо. Руки и ноги свело. Она выгибает голову назад, так что шея напрягается, и колотит ногами по спинке кровати. Колотит все сильнее и сильнее. Я говорю ей “прекрати”, но она стучит еще сильнее. Я кричу на нее, нож начинает резать, мама прибегает и тянет меня прочь, я поворачиваюсь, нож выскальзывает, у меня внутри все бурлит, я приношу новые ножи, я боюсь перестать, надо продолжать, останавливаться нельзя, мама ползет через кухню, пол весь красный, нужно попробовать ножи на всем, на себе, на мебели, стенах, я режу и рублю, я устал и ложусь на пол. Я не знаю, что случилось, у меня внутри болит, мне хочется пить, я не могу пошевелиться.

Эрик ощутил свое единение с мальчиком, глубоко-глубоко в светлой воде. Их ноги плавно двигались, Эрик скользил взглядом по скале, все ниже и ниже, она была бесконечна. Просто потемнела вода – стала сине-серой, а потом маняще-черной.

– А перед этим... – спросил Эрик и услышал, как дрожит его голос. – А перед этим ты встретился с папой?

– Да, рядом с футбольным полем.

Юсеф удивленно замолк и уставился перед собой сонным взглядом.

Эрик заметил, что пульс мальчика участился, и понял, что у того падает давление.

– Я хочу, чтобы ты опустился еще ниже, – вполголоса сказал он. – Ты погружаешься, тебе спокойно, приятно и...

– Не мама? – жалобно спросил мальчик.

– Юсеф, расскажи... Ты встречался со старшей сестрой, Эвелин?

Эрик впился взглядом в лицо Юсефа, сознавая, что догадка может наделать бед и спровоцировать провал, если окажется, что он ошибся. Но Эрику приходилось рубить сплеча. Прорасчитывать ходы было уже некогда – следовало прервать гипноз, состояние пациента снова ухудшалось.

– Что произошло, когда ты был у Эвелин?

– Лучше бы я к ней не ездил.

– Вчера?

– Она спряталась в деревянном доме, – с улыбкой прошептал мальчик.

– В каком доме?

– Тети Соньи, – устало ответил Юсеф.

– Можешь описать, что случилось в этом доме?

– Я просто стоял там. Эвелин была не рада, я знаю, что она думала, – бормотал мальчик. –

Я для нее просто собака, никто...

У Юсефа потекли слезы, губы задрожали.

– Эвелин тебе это сказала?

– Не хочу, я не обязан, не хочу, – заныл Юсеф.

– Чего ты не хочешь?

Веки мальчика задергались.

– Что происходит теперь, Юсеф?

– Она говорила, что я должен кусать и кусать, чтобы заслужить награду.

– Кого ты должен кусать?

– В доме есть картинка... Картинка в рамке как мухомор. На ней папа, мама и Кнюттет, но...

Тело мальчика внезапно напряглось, ноги слабо подергивались, он выскальзывал из очень глубокого гипноза. Эрик осторожно вывел пациента из этого состояния, успокоил и поднял на несколько уровней. Он плотно закрыл двери, ведущие к любым воспоминаниям того дня и к сеансу гипноза. Ни одна из них не должна остаться открытой, когда он начнет процесс пробуждения.

Юсеф лежал на койке улыбаясь, когда Эрик оставил его. Комиссар, сидевший в углу, поднялся со стула, вместе с Эриком вышел из палаты и направился к кофейному автомату.

– Я под впечатлением, – признался Йона и достал телефон.

Эрик ощутил пустоту, словно совершил какую-то непоправимую ошибку.

– Прежде чем вы позвоните, я хочу кое на что обратить ваше внимание, – сказал он. – Под гипнозом пациент говорил правду, но это лишь его правда. То, что ему кажется правдой. Он описывает свои собственные субъективные воспоминания и не...

– Понимаю, – перебил Йона.

– Мне случалось гипнотизировать шизофреников, – продолжал Эрик.

– Что вы хотите сказать?

– Юсеф рассказывал о сестре...

– Да, как она требовала, чтобы он кусался, как собака, и так далее, – кивнул Йона.

Он набрал номер и приложил телефон к уху.

– Нельзя сказать, действительно ли сестра говорила ему все это, – пояснил Эрик.

– Но могла говорить, – отозвался Йона и поднял руку, прерывая Эрика. – Анья, самородок мой...

Мягкий голос в телефоне что-то ответил.

– Можешь кое-что проверить? Точно. У Юсефа Эка есть тетка по имени Сонья, у этой тетки дом или дача где-то... Да... Спасибо.

Йона глянул на Эрика.

– Простите, вы хотели еще что-то сказать.

– Только то, что необязательно Юсеф перебил всю семью.

– Но мог ли он сам нанести себе раны? Он мог бы поранить себя сам? Как вы считаете?

– Это было бы затруднительно, но теоретически – да, конечно, мог, – ответил Эрик.

– Тогда я думаю, что наш убийца лежит там, в палате.

– Я тоже так думаю.

– Он в состоянии сбежать из больницы?

– Нет, – растерянно улыбнулся Эрик.

Йона двинулся по направлению к коридору.

– Поедете в теткин дом? – спросил Эрик.

– Да.

– Я поеду с вами, – сказал Эрик и пошел за комиссаром. – Может быть, сестра ранена или у нее тяжелый шок.

Глава 9

Полдень вторника, восьмое декабря

Симоне сидела в вагоне метро и смотрела в окно. Она была вся в поту – выскочив из квартиры, она примчалась на станцию метро бегом.

Поезд остановился на станции “Хувудста”.

Симоне подумала, что надо было взять такси. Она пыталась уговорить себя: мол, ничего страшного не случилось, она же сама понимает, что волнуется зря.

Снова смотрела на телефон, размышляя, была ли женщина, с которой она говорила час назад, матерью Аиды и действительно ли Аида сейчас делает татуировку в центре Тенсты.

Двери закрылись, но тут же открылись снова, где-то послышалось восклицание, двери снова захлопнулись, и поезд наконец тронулся.

Мужчина, сидевший напротив Симоне, зашуршал газетами. Собрал их, расправил на соседнем сиденье, словно для сравнения, потом снова сложил. В отражении в окне Симоне видела, что он время от времени посматривает на нее. Она подумала, не пересест ли, но мелодичный сигнал телефона сбил ее с мысли – пришло сообщение. Сообщение оказалось из галереи, от Ильвы. У Симоне не хватило сил прочитать его. Она надеялась, что это от Эрика. Симоне потеряла счет попыткам дозвониться до него, но все-таки попробовала еще раз. Послушала гудки и сигнал голосовой почты.

– Слушайте, – сказал мужчина напротив раздражающе настойчивым голосом.

Симоне попыталась сделать вид, что не слышит его. Она отвернулась к окну, притворяясь, будто слушает, что ей говорят по телефону.

– Эй? – окликнул мужчина.

Симоне поняла, что он не отвяжется, пока она не обратит на него внимание. Как и многие мужчины, он, кажется, не понимал, что у женщин своя жизнь, свои мысли, что женщины не живут с постоянной готовностью слушать мужские речи.

– Вы что, не слышите? Я к вам обращаюсь, – повторил мужчина.

Симоне повернулась к нему.

– Прекрасно слышу, – спокойно сказала она.

– Тогда чего не отвечаете? – спросил он.

– Вот, отвечаю.

Он пару раз моргнул и продолжил:

– Вы ведь женщина?

Симоне сглотнула и подумала, что он из тех, кто хочет вынудить ее назвать свое имя, рассказать о социальном положении, а под конец спровоцировать на грубость.

– Вы женщина?

– Это все, что вы хотите знать? – коротко спросила она и повернулась к окну.

Он поднялся и подсел к ней:

– Вот послушайте... У меня была женщина, и моя женщина, моя женщина...

Симоне почувствовала капли слюны у себя на щеке.

– Она была как Элизабет Тейлор, – продолжал мужчина. – Вы знаете, кто это?

Он подергал ее за руку.

– Вы знаете, кто такая Элизабет Тейлор?

– Да, – нетерпеливо сказала Симоне. – Естественно, знаю.

Мужчина с довольным видом откинулся на спинку сиденья.

– У нее вечно были новые мужики, – заныл он. – Все богаче и богаче, бриллиантовые кольца, подарки, ожерелья...

Поезд замедлил ход. Симоне поняла, что ей пора выходить, это Тенста. Она поднялась, но мужчина загородил ей дорогу.

– Обнимите меня. Я просто хочу, чтобы меня обняли.

Симоне, стиснув зубы, извинилась, отвела его руку и тут же почувствовала ее на своей пояснице. Тут поезд остановился, мужчина потерял равновесие и тяжело шлепнулся на сиденье.

– Шлюха, – спокойно сказал он ей в спину.

Симоне вышла из поезда, выбежала из метро на улицу, одолела крытый плексигласом мост и спустилась вниз. На лавке у торгового центра сидели трое пьяных, переговаривались хриплыми голосами. Симоне вбежала в главный вход и снова попыталась дозвониться до Эрика. Из винного магазина доносился запах старого красного вина – там разбилась бутылка. Тяжело дыша, Симоне пробежала мимо ресторана. Увидела в окно длинный стол с консервированной кукурузой, нарезанными огурцами и высохшими листьями салата. Посреди холла висел большой плакат с перечислением магазинов, которые есть в торговом центре. Симоне пробежала его глазами и нашла то, что искала: “Тенста Тату”. Если верить плану, салон располагался довольно далеко, на втором этаже с правой стороны. Симоне кинулась к эскалаторам, обгоняя молодых мамаш, шествующих под ручку пенсионеров и подростков-прогульщиков.

Внутренним зрением она видела, как ребята собираются вокруг лежащего мальчика, как она, Симоне, расталкивает их и понимает, что это Бенъямин, что кровь льется из начатой татуировки и не может остановиться.

Широкими шагами Симоне поднялась по эскалатору. Едва сойдя со ступенек, она заметила странное движение в том конце этажа, где не толпился народ. Кто-то как будто повис над перилами. Симоне направилась туда и вскоре увидела, что происходит: двое ребят держали третьего над перилами. Позади них топталась высокая фигура, хлопая себя руками по бокам, будто пытаясь согреться.

Лица у мальчишек, державших перепуганную девочку над пролетом, казались спокойными.

– Вы что делаете? – заорала Симоне, подходя к ним.

Она не решилась бежать, опасаясь, что они испугаются и уронят девочку. До первого этажа было не меньше десяти метров.

Мальчишки заметили ее и притворились, что выпустили девочку из рук. Симоне вскрикнула, но они подхватили девочку и втащили ее на безопасное место. Убегая, один из мальчишек улыбнулся Симоне странной улыбкой. Остался только какой-то рослый мальчик. Девочка, всхлипывая, съехала у перил. Симоне с сильно бьющимся сердцем склонилась над ней.

– Что с тобой?

Девочка молча мотнула головой.

– Надо пойти к охранникам, – объяснила Симоне.

Девочка снова покачала головой. Она дрожала всем телом, сжавшись в комок у перил. Симоне посмотрела на высокого коренастого мальчика, который просто глазел на них. На нем были толстая стеганая куртка и черные солнечные очки.

– Ты кто? – спросила его Симоне.

Вместо ответа мальчик достал из кармана пачку карточек и стал рыться в них.

– Ты кто? – повторила Симоне громче. – Те мальчишки – твои приятели?

Мальчик и бровью не повел.

– Почему ты ничего не сделал? Они же могли убить ее!

Симоне почувствовала, как в кровь хлынул адреналин, в висках запульсировало.

– Я задала тебе вопрос. Почему ты ничего не сделал?

Она пристально смотрела на мальчика. Он продолжал молчать.

– Идиот! – выкрикнула Симоне.

Мальчик медленно пошел прочь. Симоне двинулась за ним, чтобы не дать ему скрыться; мальчик споткнулся и уронил свои карточки. Быстро пробормотал что-то и помчался вниз по эскалатору.

Симоне обернулась, собираясь помочь девочке, но та уже исчезла. Симоне снова пробежалась по верхнему этажу, где были пустые места, еще не занятые под магазинчики, но ни девочки, ни мальчишек не увидела. Она поискала еще немного и вдруг обнаружила, что стоит прямо перед салоном татуажа. Витрина затянута черной покособившейся пленкой с большим изображением волка Фенрира. Симоне открыла дверь и вошла. На первый взгляд в салоне было пусто. На стенах развешаны фотографии татуировок. Симоне огляделась и уже хотела выйти, как вдруг услышала тонкий прерывающийся голос:

– Никке? Это ты? Скажи что-нибудь.

Черная драпировка разошлась, и вышла девочка с прижатым к уху мобильным телефоном. Выше пояса на ней ничего не было. По шее стекали капельки крови. Лицо сосредоточенное и встревоженное.

– Никке, – серьезно повторила девочка в телефон, – что случилось?

Грудь покрывали мурашки, но девочке, похоже, было все равно, что она полуголая.

– Можно спросить кое-что? – сказала Симоне.

Девочка выбежала из салона. Симоне бросилась следом за ней к дверям, как вдруг услышала за спиной чей-то голос.

– Аида? – взволнованно позвал какой-то мальчик.

Симоне обернулась и увидела Беньямина.

– Где Никке? – спросил он.

– Кто?

– Младший брат Аиды, у него задержка в развитии. Ты его где-нибудь видела?

– Нет, я...

– Такой высокий, в черных солнечных очках.

Симоне медленно вернулась в салон и села на стул.

Аида вернулась вместе с братом. Он остановился перед дверью, с испуганным видом кивал в ответ на все, что она говорила, потом вытер нос. Девочка вошла, прикрыв грудь рукой, прошла мимо Симоне и Беньямина, не глядя на них, и скрылась за занавеской. Симоне успела заметить, что у нее покраснела шея – девочка сделала татуировку в виде темно-красной розы возле маленькой звезды Давида.

– Что случилось? – спросил Беньямин.

– Я увидела каких-то дураков – они держали девочку над перилами. А брат Аиды просто стоял там и...

– Ты им что-нибудь сказала?

– Они оставили девочку в покое, когда я подошла. Но им как будто нравилось над ней издеваться.

Беньямин очень встревожился. Щеки покраснели, глаза забегали; он заозирался, словно хотел убежать.

– Мне не нравится, что ты с ними связался, – сказала Симоне.

– Я могу делать что хочу.

– Ты еще слишком маленький...

– Перестань, – перебил он сдавленным голосом.

– А что? Тоже собрался сделать татуировку?

– Нет, не я собирался.

– По-моему, это ужас – делать татуировку на шее и на лице...

– Мама, – перебил он.

– Гадость.

– Аида тебя слышит.

– Хотя мне кажется...

– Ты не можешь выйти? – резко перебил Беньямин.

Симоне посмотрела на него. Она не узнавала свой голос, но знала, что она и Эрик все чаще говорят с одинаковой интонацией.

– Поехали домой, – спокойно сказала она.

– Поехали, только сначала ты выйди.

Симоне вышла из салона и увидела Никке – он стоял перед витриной, скрестив руки на груди. Она подошла к нему, пытаясь выглядеть приветливой, и указала на его карточки с покемонами.

– Все любят Пикачу, – сказала она.

Мальчик с отсутствующим видом кивнул.

– Хотя мне больше нравится Мью, – продолжала Симоне.

– Мью учится всяким вещам, – осторожно сказал мальчик.

– Извини, что я накричала на тебя.

– С Вайлордом ничего нельзя сделать, никто с ним не справится, он больше всех, – продолжал он.

– Он правда больше всех?

– Да, – серьезно ответил мальчик.

Симоне достала карточку, которую он уронил.

– Кто вот это?

Подошел Беньямин, глаза у него блеснули.

– Арцеус, – ответил Никке и положил карточку сверху.

– Он очень симпатичный, – сказала Симоне.

Никке широко улыбнулся.

– Пойдем, – вполголоса позвал Беньямин.

– Пока, – улыбнулась Симоне.

– Пока все хорошо, – заученно ответил Никке.

Беньямин молча шел рядом с Симоне.

– Давай лучше поедем на такси, – решила она, когда они подошли к метро. – Надоело ездить под землей.

– Ладно, – согласился Беньямин и повернулся.

– Подожди чуть-чуть, – попросила Симоне.

Она заметила одного из мальчишек, которые издевались над девочкой. Он стоял возле турникетов метро и как будто кого-то ждал. Симоне почувствовала, как Беньямин тянет ее прочь.

– В чем дело? – спросила она.

– Ну пойдем, нам же надо поймать такси.

– Я только поговорю с ним.

– Мама, да ну их, – умоляюще сказал Беньямин.

Он побледнел, явно встревожился, но остался стоять на месте. Симоне решительно направилась к мальчику.

Она положила руку ему на плечо и развернула к себе. Ему было лет тринадцать, но он не испугался и не удивился. Мальчишка ухмыльнулся, словно Симоне попала в расставленную им ловушку.

– Пойдем-ка со мной, к охранникам, – решительно сказала она.

– Ты чего, старушка?

– Я видела, как ты...

– Захлопни пасть! – оборвал ее мальчик. – Заткнись, если не хочешь, чтобы тебя оты-
мели.

От изумления Симоне не нашлась, что ответить. Мальчик сплюнул ей под ноги, пере-
прыгнул через турникет и исчез в переходе метро.

Симоне затрясло. Она вышла и подошла к Беньямину.

– Что он сказал? – спросил тот.

– Ничего, – устало ответила она.

Они подошли к стоянке такси и забрались на заднее сиденье первой же машины. Когда
машина выезжала из центра Тенсты, Симоне сказала, что сегодня звонили из школы.

– Аида хотела, чтобы я был с ней, когда она будет менять татуировку, – тихо объяснил
Беньямин.

– Очень мило с твоей стороны.

Они в молчании ехали по Юльствэген вдоль ржавых рельсов на насыпи из бурого гравия.

– Ты говорила Никке, что он идиот? – спросил Беньямин.

– Я сказала глупость... это я идиотка.

– Как же ты могла?

– Иногда я делаю глупости, Беньямин, – ответила она вполголоса.

Когда проезжали по мосту Транебергсбрун, Симоне глянула вниз, на Стура-Эссинген⁵.
Лед еще не лег, но вода казалась застывшей и бледной.

– Похоже на то, что мы с папой разведемся, – сказала Симоне.

– Вот как... Почему?

– Ты здесь совершенно ни при чем.

– Я спросил “почему”.

– У меня нет хорошего ответа, – начала она. – Твой папа... Ну как объяснить? Он –
любовь всей моей жизни, но... любовь может закончиться. Об этом не думают, когда встре-
чаются, рожают детей и... прости, не нужно было об этом говорить. Я просто хочу, чтобы ты
понимал, почему я сейчас не в себе. И вообще, мы еще не решили наверняка, что разведемся.

– Я не хочу иметь к этому отношения.

– Прости, что я...

– Ну хватит, – огрызнулся он.

⁵ Стура-Эссинген – остров в озере Меларен.

Глава 10

*Вторник, восьмое декабря,
вторая половина дня*

Эрик знал, что не сможет уснуть, но все равно попытался. Сон никак не приходил, хотя комиссар вел машину очень мягко. Они ехали по дороге номер 274, через Вермдё⁶, к домику, где, как предполагалось, находилась Эвелин Эк.

Когда проезжали старую лесопилку, в днище машины застучал гравий. Эрик ощущал боль и сухость в глазах – это из-за кодеина. Щурясь, он разглядывал узкие газончики с деревянными дачными домиками. Голые деревья в стерильной декабрьской прохладе. Свет и краски заставили Эрика вспомнить, как в школе их водили на экскурсии. Запах гнилых стволов, грибной запах, идущий от земли. Мать Эрика полдня работала школьной медсестрой в гимназии в Соллентуне и свято верила в пользу свежего воздуха. Именно она захотела, чтобы его звали Эрик Мария. Необычное имя явилось результатом того, что мать Эрика отправилась в Вену изучать немецкий язык и там сходила в “Бургтеатр” на “Отца” Стриндберга. В главной роли был Клаус Мария Брандауэр. Мать Эрика так впечатлилась, что долгие годы помнила имя актера. Ребенком Эрик всегда пытался скрыть среднее имя, Мария, а подростком узнал себя в песне “Парень по имени Сью” – услышал ее на пластинке Джонни Кэша, записанной в тюрьме Сан-Квентин. *Some gal would giggle and I’d get red, and some guy’d laugh and I’d bust his head, I tell ya, life ain’t easy for a boy named Sue*⁷.

У отца Эрика, служащего Государственной страховой кассы, было в жизни одно-единственное настоящее увлечение. Отец был иллюзионист-любитель. Он наряжался в самодельную мантию, купленный по случаю фрак и складной цилиндр, который называл шапокляком. Эрику с друзьями приходилось сидеть на жестких стульях в гараже, где отец устроил маленькую сцену с потайными люками. Большую часть трюков отец почерпнул в каталоге “Бернандос мэджик” в Брумелле: волшебные палочки, которые звенели и складывались, бильярдные шары, множащиеся при помощи скорлупы, бархатный сачок с двойным дном и блестящая ручная гильотина. Сейчас Эрик думал об отце с нежной радостью, вспоминал, как тот ногой запускал магнитофон с записью Жан-Мишеля Жарра, одновременно производя магические пассы над летающим черепом. Эрик от души надеялся, что папа не замечал, как, став постарше, сын стыдился этих представлений и перемигивался с приятелями у него за спиной.

Наверное, сложного объяснения тому, почему Эрик стал врачом, не существовало. Он никогда не хотел быть никем другим, не представлял себе иной жизни. Помнил дождь в первый день летних каникул, помнил, как поднимали флаг, пели летние песни... Эрик всегда учился на отлично по всем предметам – этого от него ждали родители. Мать частенько говаривала, что шведов избаловали, что они воспринимают свое благополучие как нечто само собой разумеющееся, тогда как оно, скорее всего, не более чем маленькое историческое примечание в скобках. Она считала, что система с бесплатной медициной и стоматологией, бесплатными яслями и детскими садами, бесплатными школами и бесплатными университетами может рухнуть в любой момент. Но сейчас самый обычный юноша, самая обычная девушка могут выучиться на врача, архитектора или доктора экономических наук в любом университете страны, и им не потребуются для этого состоятельные родители, специальные стипендии или подаяние.

Осознание этих возможностей было преимуществом, окружавшим Эрика золотым сиянием. Оно давало ему выигрыш во времени и жизненную цель, а также некоторое юношеское высокомерие.

⁶ Вермдё – остров в Стокгольмском архипелаге.

⁷ Девчонка хихикнет – и я покраснею, дурак засмеется – башку разобью. Трудно жить парню по имени Сью (англ.).

Эрик вспомнил, как он, восемнадцатилетний, сидел на диване в Соллентуне, любуясь на аттестат с высшими отметками, и вдруг бросил взгляд на небогатую комнату. Книжные полки с безделушками и сувенирами, фотографии родителей в мельхиоровых рамках – конфирмация, свадьба, пятидесятилетие – в окружении десятков изображений их единственного сына, от пухлого младенца до усмехающегося юнца в костюме с узкими брюками.

В комнату вошла мать и протянула ему бланки заявлений для тех, кто хочет получить медицинское образование. Она, как всегда, оказалась права. Явившись в Каролинский институт, он словно пришел домой. Выбрав специализацией психиатрию, Эрик понял, что профессия врача подходит ему даже больше, чем он думал. После стажировки, восемнадцати месяцев работы терапевтом (необходимых для того, чтобы Управление социального обеспечения и здравоохранения выдало медицинскую лицензию), Эрик работал в организации “Врачи без границ”. Он оказался в Чисимаиу, к югу от Могадишо, в Сомали. Это было горячее время для полевых госпиталей, оснащение которых состояло из забракованных в Швеции больничных материалов, рентгеновских аппаратов шестидесятих годов, просроченных медикаментов, ржавых грязных коек из закрытых или перестраиваемых больничных отделений. В Сомали Эрику впервые пришлось иметь дело с людьми, пережившими тяжелые травмы. Апатичные дети, которые больше не хотели играть; подростки, которые лишенным всякого выражения голосом рассказывали, как их принуждали к совершению чудовищных преступлений; женщины, с которыми обращались настолько скверно, что они не в состоянии были говорить и лишь уклончиво улыбались, не поднимая глаз. Эрик понял, что хочет помогать людям, чьи права бессовестно нарушались, чьи муки длились, хотя истязатели давным-давно исчезли.

Эрик вернулся домой и в Стокгольме выучился на психотерапевта. Но лишь начав специализироваться в психотравматологии и психиатрии катастроф, он столкнулся с разными теориями гипноза. В гипнозе его привлекала оперативность, скорость, с какой психолог может добраться до причин травмы. Эрик понимал, насколько это важно, когда приходится работать с жертвами войны или природных катастроф.

Он обучился основам гипноза в Европейском обществе клинического гипноза, вскоре стал членом Общества клинического и экспериментального гипноза, Европейского совета медицинского гипноза, Шведского общества клинического гипноза. Долгое время переписывался с Карен Олнесс, американским педиатром, чьи революционные методы гипнотизирования хронических больных и страдающих от сильных болей детей до сих пор впечатляли его больше всего.

Пять лет Эрик проработал в Красном Кресте в Уганде с людьми, пережившими травму. В этот период у него совсем не было времени, чтобы пробовать и развивать приемы гипноза. Случаи всегда бывали ошеломительно тяжелыми, почти всегда речь шла о том, чтобы обеспечить необходимую помощь. За все это время Эрик прибегал к гипнозу с десятков раз и только в простейших случаях, чтобы снять боль при повышенной чувствительности или для первичной блокады устойчивых фобий. В последний угандийский год ему пришлось долго биться с девочкой, которую запирали в комнате, потому что она кричала не переставая. Католические монахини-медсестры рассказали, что девочка ползла по дороге, ведущей из трущоб к северу от Мбале. Монахини решили, что девочка принадлежит к народности багису, так как она говорила на языке лугису. Девочка не спала ни единой ночи, непрерывно крича, что она ужасный демон с огненными глазами. Эрик попросил монахинь открыть дверь в комнату, где лежала девочка. Едва увидев ее, он понял, что ребенок страдает от острого обезвоживания. Когда он попытался дать ей попить, она завывала, словно ее обжег один вид воды. Ребенок катался по полу и вопил. Эрик решил применить гипноз, чтобы успокоить малышку. Одна из монахинь, сестра Марион, переводила его слова на букусу, который девочка понимала. Погрузить малышку в гипноз оказалось легко. Всего через час она изложила все, что составляло ее психическую травму. Автоцистерна, вышедшая из Джиньи, двигалась по Мбали-Сороти-роуд, к северу от

трущоб. Тяжелая машина перевернулась и упала в глубокий придорожный ров. Из пробоины на землю хлынул чистый бензин. Девочка бросилась домой и рассказала своему дяде, что бензин просто уходит в землю. Дядя побежал туда с двумя пустыми канистрами. Когда девочке удалось догнать его, вокруг цистерны уже собралась толпа. Все набирали ведрами бензин из канавы. Стоял ужасный запах, светило солнце, было жарко. Дядя махнул девочке, подзывая ее. Она взяла первую канистру и потащила домой. Канистра была страшно тяжелой. Девочка остановилась, чтобы поставить ее на голову, и увидела какую-то женщину в голубом покрывале, стоявшую возле цистерны по колено в бензине и наполнявшую бутылочки. Дальше, по дороге к городу, девочка заметила человека в желтой камуфляжной рубашке. Он шел, держа в зубах сигарету, и когда он затянулся, все вдруг вспыхнуло.

Эрик как сейчас видел девочку, рассказывающую свою историю. У нее был низкий глухой голос, слезы струились по щекам, когда она рассказывала, как поймала огонь сигареты глазами и перебросила его на женщину в голубом покрывале. Огонь у нее в глазах, твердила она. Потому что когда она обернулась и посмотрела на женщину, та загорелась. Сначала полыхнуло голубое покрывало, а потом всю ее охватил огонь. Вскоре вокруг цистерны бушевал ураган пламени. Девочка бросилась бежать, не слыша позади себя ничего, кроме криков.

После сеанса Эрик и сестра Марион долго говорили с девочкой о том, что она рассказала под гипнозом. Они снова и снова объясняли ей, что загорелись пары бензина, те самые, с сильным запахом. Искры от сигареты человека в камуфляже подожгли цистерну. А она, девочка, тут совсем ни при чем.

Всего через несколько месяцев после случая с девочкой Эрик вернулся в Стокгольм. Он хотел получить грант от Совета по медицинским исследованиям, чтобы серьезно углубить свои знания о гипнозе и лечении травм в Каролинском институте. Тогда же он встретил Симоне. Эрик помнил, как увидел ее на университетском празднике – она была оживлена, с раскрасневшимися щеками, и излучала радость. Первое, что бросилось ему в глаза, – это светло-рыжие кудри. Потом он посмотрел на ее лицо. Высокий бледный лоб, тонкая светлая кожа, усеянная светло-коричневыми веснушками. Девушка походила на ангела, маленькая и стройная. Эрик и сегодня помнил, как она была одета в тот вечер: зеленая облегающая блуза, черные брюки и темные туфли-лодочки на высоких каблуках. Губы накрашены бледно-розовой помадой, а глаза светились ярко-зеленым.

Уже через год они поженились и довольно быстро попытались завести ребенка. Это оказалось нелегко, неудача следовала за неудачей. Эрику особенно запомнилась одна из них. Симоне была на шестнадцатой неделе, когда потеряла девочку. Ровно через два года после этого несчастья родился Бенъямин.

Эрик, прищурившись, смотрел в окошко. Он слышал, как Йона на волне полицейского радио тихо переговаривается с коллегами-полицейскими на пути к Вермдэ.

– Я тут кое о чем подумал, – начал Эрик.

– Да.

– Я говорил, что Юсеф Эк не может сбежать из больницы. Но если он сумел так изранить себя ножом, ничего нельзя сказать наверняка.

– Я тоже так думаю.

– Прекрасно.

– Я уже поставил одного из наших ребят у двери палаты.

– Наверное, это лишнее.

– Наверное.

Три машины выстроились в ряд у обочины под линией электропередачи. В ярком свете стояли, переговариваясь, четверо полицейских. Они надевали бронежилеты и рассматривали карту. Солнце освещало стекло старой теплицы.

Йона снова сел на водительское место, принес с собой морозный воздух. Он ждал, пока остальные рассядутся по машинам, задумчиво похлопывая ладонью по рулю.

Из радио вдруг послышалась быстрая гамма, потом прорвался громкий треск. Йона переключил канал, проверил, все ли члены группы на местах и, прежде чем повернуть ключ в зажигании, обменялся с каждым парой слов.

Автомобили двинулись вдоль бурого поля, мимо березовой рощи и высокой, покрытой ржавчиной силосной башни.

– Подождите в машине, пока мы будем там, – тихо сказал Йона.

– Хорошо.

Несколько ворон поднялись с обочины и улетели.

– У гипноза есть отрицательные стороны? – спросил комиссар.

– В смысле?

– Вы были одним из лучших в мире, но перестали заниматься гипнозом.

– У людей могут быть веские причины скрывать некоторые вещи, – ответил Эрик.

– Это понятно, но...

– И эти причины очень сложно оценить во время сеанса.

Йона скептически взглянул на него:

– Почему мне не верится, что вы покончили с гипнозом только из-за этого?

– Не хочу обсуждать.

Вдоль дороги мелькали стволы деревьев. Лес становился все гуще и темнее. В днище машины стучал гравий. Они свернули на узкую лесную дорожку, проехали мимо нескольких дачных домиков и остановились. Вдалеке между соснами Йона увидел коричневый деревянный дом на темной поляне.

– Я рассчитываю на то, что вы посидите здесь, – сказал комиссар Эрику и вылез из машины.

Шагая к подъездной дорожке, где его уже ждали другие полицейские, Йона снова вспомнил о загипнотизированном мальчике, Юсефе. Слова, которые просто текли из его слабых губ. Он описывал свою звериную ярость с ясностью отстранения. Должно быть, мальчик помнил все совершенно отчетливо: судороги сестренки из-за высокой температуры, вызванный этим гнев, выбор ножа, эйфория от чувства того, что перешел границу. Однако к концу сеанса описания сделались путанными, стало труднее понять, что Юсеф имеет в виду, определить его истинные представления, решить, действительно ли старшая сестра, Эвелин, вынудила его совершить убийства.

Комиссар подозвал к себе четверых полицейских. Не расписывая, кому что делать, проинструктировал насчет огнестрельного оружия: если возникнет необходимость, стрелять только по ногам. Он избегал полицейских словечек, упирая на то, что, вероятнее всего, они имеют дело с совершенно неопасным человеком.

– Ведите себя осторожно, чтобы не напугать девушку, – объяснял комиссар. – Она может быть перепугана, может быть ранена. Однако ни на минуту не забывайте, что она может оказаться опасной.

Он отправил патруль из трех полицейских вокруг дома, приказав им не заходить в садик перед кухней, держаться подальше, чтобы подойти к дому на безопасное расстояние сзади.

Полицейские стали спускаться по тропинке; один из них остановился и сунул в рот паке-тик табака. Шоколадно-коричневый фасад дома был сложен из находящих друг на друга панелей. Белая обшивка, черная дверь. На окнах розовые занавески. Дым из трубы не шел. На крыльце метла и желтое пластиковое ведро с сухими еловыми шишками.

Йона увидел, как патрульные, с оружием в руках, на приличном расстоянии стали обходить дом. Хрустнула ветка. Вдали застучал дятел, разнеслось эхо. Йона следил за передвижениями полицейских и одновременно медленно приближался к дому, пытаясь рассмотреть что-

нибудь через розовые занавески. Он жестом велел помощнику полицейского Кристине Андерсон, молодой женщине с острыми чертами лица, встать на дороге. У Кристины покраснели щеки; она кивнула, не спуская глаз с дома. Спокойно, с серьезным лицом она достала служебный пистолет и сделала несколько шагов вбок.

В доме пусто, подумал Йона и подошел к ступенькам. Доски слабо скрипнули под его тяжестью. Постучав в дверь, он взглянул на занавески – нет ли за ними случайного движения. Ничего. Комиссар немного подождал и вдруг замер – ему показалось, что он что-то услышал. Всмотрелся в пространство возле дома, за кустами, за стволами деревьев. Комиссар достал пистолет, тяжелый смит-вессон, который он предпочитал стандартному сиг-сойеру, снял с предохранителя и проверил патрон в патроннике. Вдруг на опушке что-то лязгнуло, и какой-то зверь длинными угловатыми скачками пронесся между деревьями. Кристина напряженно улыбнулась, когда комиссар глянул на нее. Он указал на окно, подкрался и заглянул в дом через щель в занавесках.

В полутемной комнате комиссар увидел плетеный столик с поцарапанной стеклянной столешницей и светло-коричневый диван. На спинке красного плетеного стула сохли двое белых хлопчатобумажных трусов. В кухоньке лежали несколько пакетов с макаронами быстрого приготовления, песто в банках, консервы и мешок яблок. Несколько ножей и вилок блески на полу перед раковиной и под столом. Йона вернулся на крыльцо, знаком показал Кристине, что входит, открыл дверь и ушел с линии. Когда Кристина просигналила ему, что готова, комиссар заглянул в дом и перешагнул порог.

Эрик сидел в машине и мог лишь издали наблюдать за происходящим. Он видел, как Йона исчез в коричневом домике и как за ним вошел один из полицейских. Вскоре комиссар снова вышел на крыльцо. Трое полицейских обошли дом и остановились перед комиссаром. Они что-то говорили и рассматривали карту, указывая на дорогу и другие дома. Казалось, Йона хочет показать кое-что в доме одному из них. Все последовали за ним; последний закрыл за собой дверь, чтобы не выпускать тепло.

Вдруг Эрик заметил, что кто-то стоит между деревьями, там, где земля спускалась к болоту. Худенькая девушка с ружьем в руках, с дробовиком. Она направилась к дому, двойной блестящий ствол волочился по земле. Эрик видел, как он подпрыгивает на кустиках черники и на мохе.

Полицейские не видели девушку, у нее тоже не было возможности их увидеть. Эрик набрал мобильный комиссара. Телефон зазвонил в машине – он лежал на переднем сиденье возле Эрика.

Девушка не торопясь шла между деревьями, таща ружье. Эрик понял, что, если полицейские с ней неожиданно столкнутся, ситуация может стать опасной. Он вышел из машины, подбежал к подъездной дорожке и пошел медленнее.

– Здравствуйте! – крикнул он.

Девушка остановилась и взглянула на него.

– Сегодня довольно холодно, – тихо сказал Эрик.

– Что?

– Холодно в тени, – повторил он громче.

– Да.

– Вы здесь недавно? – продолжал Эрик, приближаясь к ней.

– Нет, я снимаю дом у своей тетки.

– Вашу тетку зовут Соня?

– Да, – улыбнулась она.

Эрик подошел к ней.

– На кого охотитесь?

– На зайцев.

– Можно взглянуть на ружье?

Девушка разломала свой дробовик и отдала Эрику. Кончик носа у нее покраснел. Сухие сосновые иголки запутались в соломенных волосах.

– Эвелин, – спокойно сказал Эрик. – С вами хотят поговорить полицейские.

Девушка встревожилась и сделала шаг назад.

– Если у вас есть время, – улыбнулся Эрик.

Она слабо кивнула, и Эрик позвал полицейских. Комиссар не скрывал раздражения, он был готов отправить Эрика обратно в машину. Увидев девушку, он на мгновение застыл.

– Это Эвелин. – И Эрик протянул ружье комиссару.

– Здравствуйте, – поздоровался Йона.

Девушка побледнела, словно сейчас упадет в обморок.

– Мне надо поговорить с вами, – серьезно объяснил Йона.

– Нет, – прошептала она.

– Пойдемте в дом.

– Не хочу.

– Не хотите войти?

Эвелин повернулась к Эрику:

– Это обязательно? – У нее задрожали губы.

– Нет, – ответил он. – Решать вам.

– Пожалуйста, пойдемте, – повторил Йона.

Девушка помотала головой, но все же пошла за ним.

– Я подожду на улице, – сказал Эрик.

Он немного поднялся по дорожке. На гравии валялись сухие бурые шишки. Сквозь стены домика донесся крик Эвелин. Она вскрикнула еще раз. Одиночество, отчаяние. Интонации невосполнимой потери. Эрик вспомнил: так кричали в Уганде.

Эвелин сидела на диване, зажав руки между колен, с пепельно-серым лицом. Ей сообщили, что случилось с ее семьей. Фотография в мухоморной рамке валялась на полу. Мама и папа сидят в чем-то вроде гамака. Между ними – младшая сестренка. Родители щурятся от яркого солнечного света, очки сестры отсвечивают белым.

– Пожалуйста, примите мои соболезнования, – тихо сказал Йона.

У девушки задрожал подбородок.

– Как вы думаете, вы сможете помочь нам понять, что произошло? – спросил комиссар.

Стул скрипнул под его тяжестью. Йона немного подождал и продолжил:

– Где вы были в понедельник седьмого декабря?

– Здесь, – слабо ответила она.

– В доме?

Эвелин взглянула ему в глаза:

– Да.

– И никуда в тот день не ходили?

– Нет.

– Просто сидели здесь?

Она махнула рукой в сторону кровати и учебников по юриспруденции.

– Учитесь?

– Да.

– Значит, вчера вы не выходили из дома?

– Нет.

– Кто-то может это подтвердить?

– Что?

– Кто-нибудь был здесь с вами?

– Нет.

– Вы не знаете, кто мог сделать это с вашими родными?

Эвелин покачала головой.

– Кто-нибудь угрожал вам?

Казалось, она его не слышит.

– Эвелин?

– Что? Что вы сказали?

Она крепко зажала ладони между коленями.

– Кто-нибудь угрожал вашей семье, у вас есть какие-нибудь недоброжелатели, враги?

– Нет.

– Вам известно, что у вашего отца были большие долги?

Она покачала головой.

– У него были долги, – повторил Йона. – Ваш отец занял деньги у преступников.

– Вот как.

– Кто-нибудь из них мог бы...

– Нет, – перебила она.

– Почему нет?

– Вы ничего не понимаете, – громко сказала Эвелин.

– Чего мы не понимаем?

– Ничего не понимаете.

– Расскажите, что...

– Все не так! – закричала Эвелин.

Она так разнервничалась, что зарыдала, не закрывая лица. Кристина подошла, обняла ее, и на миг девушка затихла. Она почти неподвижно сидела, обнявшись с Кристиной и лишь изредка содрогаясь от плача.

– Милая, хорошая, – успокаивающе шептала Кристина.

Она прижала девушку к себе, гладя ее по волосам. Вдруг Кристина вскрикнула и оттолкнула Эвелин, та упала прямо на пол.

– Черт, она меня укусила... укусила, вот зараза.

Кристина, раскрыв рот, смотрела на свои окровавленные пальцы. Кровь лилась из раны на шее.

Эвелин сидела на полу, прикрывая ладонью растерянную улыбку. Потом у нее закатились глаза, и она потеряла сознание.

Глава 11

Вечер вторника, восьмое декабря

Беньямин закрылся в своей комнате. Симоне сидела за кухонным столом, закрыв глаза, и слушала радио. Шла прямая трансляция из концертного зала Бервальдхаллен. Симоне пыталась представить себе, как она станет жить одна. Наверное, такая жизнь будет не слишком отличаться от моей нынешней, с иронией подумала она. Буду ходить на концерты, в театры и галереи, как все одинокие женщины.

Она нашла в шкафу бутылку солодового виски, плеснула немного в стакан, добавила несколько капель воды: бледно-желтая жидкость в тяжелом стакане. Входная дверь открылась, когда теплые звуки баховской сюиты для виолончели заполняли кухню. Мягкая печальная мелодия. Эрик, серый от усталости, встал в дверном проеме и посмотрел на жену.

– Неплохо выглядит, – сказал он.

– Это называется “виски”, – ответила Симоне и отдала ему стакан.

Она налила себе новый, и вот они уже стояли друг против друга, с серьезным видом провозглашая тост за здоровье друг друга.

– Трудный был день? – тихо спросила Симоне.

– В общем, да. – Эрик вяло улыбнулся.

У него вдруг сделался совершенно измученный вид. На лицо, словно слой пыли, легла неуверенность.

– Что слушаешь? – спросил он.

– Выключить?

– Нет, что ты. Красивая музыка.

Эрик допил, протянул пустой стакан, и Симоне налила еще.

– Значит, Беньямин не делал татуировку, – сказал он.

– А ты следил за развитием телефонной пьесы.

– Я только сейчас, по дороге домой, до этого не успел...

– Нет, – перебила Симоне и подумала о женщине, ответившей на ее звонок.

– Хорошо, что ты увезла его оттуда.

Она кивнула и подумала: как чувства скрыты одно в другом, насколько одно не отделено и не свободно от другого, как всё пересекается со всем.

Они выпили еще, и вдруг Симоне заметила, что Эрик улыбается ей. От его улыбки, обнажавшей неровные зубы, у нее всегда слабели колени. Симоне подумала, как здорово было бы сейчас переспать с ним, без разговоров, без всяких сложностей. Все равно в один прекрасный день станем одинокими, сказала она себе.

– Я ничего не знаю, – коротко ответила она. – Точнее... Я знаю, что не доверяю тебе.

– Зачем ты говоришь...

– Такое чувство, что мы все потеряли, – перебила она. – Ты только спишь – или на работе, или где ты там. Я думала, мы столько всего сделаем вместе! Станем путешествовать, просто бывать друг с другом...

Эрик отставил стакан, шагнул к ней и быстро спросил:

– А что нам мешает?

– Не говори так, – прошептала она.

– Почему?

Он улыбнулся, погладил ее по щеке и посерьезнел. Неожиданно они поцеловались. Симоне почувствовала, что всем телом хочет этого, хочет целоваться.

– Пап, а ты не знаешь...

Войдя в кухню и увидев их, Беньямин замолчал.

– Дураки, – вздохнул он и вышел.

– Беньямин! – позвала Симоне.

Мальчик вернулся.

– Ты обещал сходить за едой, – напомнила она.

– А ты позвонила?

– Будет готово через пять минут, – сказала Симоне и дала ему свой кошелек. – Ты ведь знаешь, где тайский ресторанчик?

– Нет, – вздохнул Беньямин.

– Иди прямо, не сворачивай.

– Ну хватит.

– Слушай, что мама говорит, – вмешался Эрик.

– Схожу куплю еды на углу, ничего не случится, – сказал Беньямин и пошел одеваться.

Симоне и Эрик улыбнулись друг другу, услышав, как закрылась входная дверь и быстрые шаги застучали вниз по лестнице.

Эрик достал из буфета три стакана, поставил их, взял руку Симоне и прижал к своей щеке.

– Пойдем в спальню? – спросила она.

У него был смущенно-счастливый вид, когда зазвонил телефон.

– Не бери трубку, – попросил он.

– Это может быть Беньямин, – ответила Симоне и поднесла трубку к уху. – Симоне.

Никто не ответил, только что-то мелко пощелкивало, как будто расстегивали молнию.

– Алло?

Она поставила телефон назад на подставку.

– Никого? – спросил Эрик.

Симоне показалось, что он разволновался. Подошел к окну, выглянул на улицу. У Симоне в ушах снова зазвучал голос той женщины, которая ответила, когда она набрала номер, и которая звонила Эрику утром. “Эрик, перестань”, – сказала она смеясь. Перестань – что? Шарить у нее под одеждой, сосать ее грудь, задира́ть юбку.

– Позвони Беньямину, – сказал Эрик напряженно.

– Зачем...

Симоне взяла телефон, и он тут же зазвонил.

– Алло?

Никто не ответил. Симоне нажала “отбой” и набрала номер Беньямина.

– Занято.

– Я его не вижу, – сказал Эрик.

– Пойти за ним?

– Пожалуй.

– Он на меня разозлится, – улыбнулась Симоне.

– Тогда я пойду, – решил Эрик и вышел в прихожую.

Он снял куртку с вешалки. Тут дверь открылась, и вошел Беньямин. Эрик повесил куртку на место и взял у сына пышущий жаром пакет с картонными коробками.

Они сидели перед телевизором, смотрели кино и ели прямо из коробочек. Беньямина смешили реплики героев. Симоне и Эрик довольно улыбались друг другу как когда-то, когда их сын был маленьким и хохотал над детскими передачами. Эрик положил руку на колено Симоне; она накрыла его руку своей и сжала пальцы.

Актер Брюс Уиллис лежал на спине, вытирая кровь с губ. Снова зазвонил телефон. Эрик отставил еду и поднялся с дивана. Вышел в прихожую и как можно спокойнее сказал в трубку:

– Эрик Мария Барк.

Никто не ответил, только что-то пощелкивало.

– Ну хватит, – рассердился он.

– Эрик?

Это был голос Даниэллы.

– Эрик, это ты? – спросила она.

– Мы ужинаем.

Он услышал, как часто она дышит.

– Что он хотел? – спросила она.

– Да кто?

– Юсеф.

– Юсеф Эк?

– Он ничего не сказал? – повторила Даниэлла.

– Когда?

– Сейчас... по телефону.

Эрик бросил взгляд на дверь гостиной. Симоне и Беньямин смотрят кино. Он подумал о семье из Тумбы. Маленькая девочка, мама и папа. Дикая ярость нападавшего.

– Почему ты думаешь, что он звонил мне? – спросил Эрик.

Даниэлла кашлянула.

– Он, наверное, уговорил медсестру дать ему телефон. Я спрашивала телефонистку, она соединяла его с тобой.

– Ты уверена?

– Юсеф кричал, когда я вошла, он выдернул катетер, я дала ему алпразолам, но прежде чем уснуть, он много чего наговорил.

– Что? Что он сказал?

Эрик услышал, как Даниэлла сглотнула. Ее голос прозвучал устало:

– Сказал, что ты трахнул ему мозги. Чтобы ты забыл про его сестру, если не хочешь быть покойником. Несколько раз повторил: можешь считать, что ты покойник.

Глава 12

Вечер вторника, восьмое декабря

Через три часа Йона отвез Эвелин в следственный изолятор тюрьмы Крунуберг. Девушку поместили в маленькую камеру с холодными стенами и горизонтальными решетками на запотевших окнах. Из нержавеющей раковины в углу пованивало рвотой. Когда Йона уходил из камеры, Эвелин стояла у привинченной к стене койки с зеленым матрасом и удивленно смотрела на него.

После задержания у прокурора есть всего двенадцать часов, чтобы принять решение: оставить задержанную в камере или отпустить. Если принять решение о задержании, это даст отсрочку до двенадцати часов третьего дня, а потом надо будет передать постановление об аресте в суд и требовать ареста задержанной. Иначе задержанную придется освободить. Заключить девушку под стражу можно было либо с формулировкой “по подозрению на веских основаниях”⁸, либо как “обоснованно подозреваемую”. Последнее означало еще более высокую степень подозрения.

Сейчас комиссар шел назад по белому блестящему линолеуму тюремного коридора мимо буро-зеленых дверей камер. Отражение комиссара мелькало в металлических пластинах возле ручек и замков. У каждой двери на полу стояли белые термосы. Красные знаки на шкафчиках с огнетушителями. Тележка с белым тюком белья и зеленым мусорным пакетом стояла возле стола дежурного.

Йона остановился, обменялся парой слов с куратором из Комитета по оказанию поддержки и пошел дальше в женское отделение.

Перед одной из пяти комнат для допросов стоял Йенс Сванейельм, новый главный прокурор региона Стокгольма. На вид ему едва можно дать двадцать лет, хотя на самом деле прокурору уже исполнилось сорок. Было что-то мальчишеское во взгляде, что-то детское в округлости щек, от чего казалось, что прокурору никогда в жизни не случалось пережить потрясение.

– Эвелин Эк, – помедлив, начал Йенс. – Это она заставила младшего брата перебить всю семью?

– Именно так сказал Юсеф, когда...

– Признания Юсефа Эка, сделанные под гипнозом, использовать нельзя, – перебил Йенс. – Это противоречит и праву хранить молчание, и праву не брать на себя вину.

– Понимаю. Хотя это не был допрос, его ни в чем не подозревали.

Йенс взглянул на свой мобильный телефон и сказал:

– Достаточно того, что разговор зашел о вещах, которые в рамках предварительного расследования могут рассматриваться как допрос.

– Я сознаю это, но у меня была другая цель.

– Я так и предполагал, но...

Он замолчал и покосился на Йону, словно ожидая чего-то.

– Все равно я скоро узнаю, что случилось, – заявил комиссар.

– Неплохо звучит, – с довольным видом кивнул Йенс. – Когда я принимал дела от Аниты Нидель, она сказала мне: если Йона Линна обещает докопаться до правды, то он, будь уверен, докопается.

– Иногда у нас бывали стычки.

– Она на это намекнула.

– Так я начну? – спросил комиссар.

– Ты руководишь предварительным расследованием, но...

⁸ То есть в достаточной степени, чтобы возбудить уголовное дело.

Сванейельм почесал в ухе и буркнул, что ему не нужны идеи, резюме допроса и неясности.

– Я всегда провожу допрос с глазу на глаз, если есть возможность, – сказал Йона.

– Тогда, наверное, свидетель допроса не нужен. Здесь – не нужен.

– Я так и подумал.

– Это будет допрос только для сведения Эвелин Эк, – со значением произнес Йенс.

– Хочешь, чтобы я сообщил ей, что ее подозревают в совершении преступления? – спросил Йона.

– Решай сам. Но часики тикают, у тебя осталось не так много времени.

Йона постучал и вошел в печальную комнату для допросов. Жалюзи на забранных решеткой окна опущены. Эвелин Эк сидела на стуле. Было видно, как у нее напряжены плечи. Непроницаемое лицо, челюсти сжаты, взгляд уперся в стол, руки скрещены на груди.

– Здравствуйте, Эвелин.

Она торопливо-испуганно взглянула на него. Комиссар сел напротив нее. Девушка была такой же красивой, как брат – простые, но симметричные черты лица. Русые волосы, умные глаза. Такие лица поначалу кажутся невзрачными, но чем дольше на них смотришь, тем они красивее.

– По-моему, нам надо поговорить, – сказал он. – Как вы думаете?

Девушка пожала плечами.

– Когда вы в последний раз видели Юсефа?

– Не помню.

– Вчера?

– Нет, – удивленно ответила она.

– Сколько дней назад?

– В смысле?

– Я хочу знать, когда вы в последний раз виделись с Юсефом, – пояснил Йона.

– Ну, во всяком случае, довольно давно.

– Он приезжал к вам в лесной дом?

– Нет.

– Никогда? Он никогда не навещал вас в домике?

Она еле заметно пожала плечами:

– Нет.

– Но он знал про этот дом? Или нет?

Эвелин кивнула.

– Его возили туда, когда он был маленьким, – ответила она и взглянула на комиссара кроткими карими глазами.

– Когда?

– Не знаю... Мне было десять, мы сняли этот домик на лето у тети Соньи, пока она была в Греции.

– А потом Юсеф там бывал?

Эвелин вдруг перевела взгляд на стену позади Йоны:

– Вряд ли.

– Как долго вы жили в теткин дом?

– Переехала сразу после начала семестра.

– В августе.

– Да.

– Вы жили там с августа, это четыре месяца. В маленьком доме на Вермдё. Почему?

Ее взгляд снова метнулся в сторону. Уперся в стену за головой Йоны.

– Чтобы заниматься спокойно, – сказала она.

– Четыре месяца?

Эвелин поерзала на стуле, скрестила ноги и наморщила лоб.

– Мне нужно было, чтобы меня оставили в покое, – вздохнула она.

– Кто вам мешал?

– Никто.

– Тогда что значит “чтобы меня оставили в покое”?

Она слабо, безрадостно улыбнулась:

– Люблю лес.

– Что изучаете?

– Юриспруденцию.

– И живете на стипендию?

– Да.

– Где покупаете еду?

– Езжу на велосипеде в Сальтарё.

– Это же далеко?

Эвелин пожала плечами:

– Не очень.

– Вы там знаете кого-нибудь, встречаетесь?

– Нет.

Комиссар смотрел на чистый юный лоб Эвелин.

– Вы не встречались там с Юсефом?

– Нет.

– Эвелин, послушайте меня. – Йона перешел на серьезный тон. – Ваш младший брат, Юсеф, сказал, что это он убил отца, мать и младшую сестру.

Эвелин устала встал, ресницы задрожали. На бледном лице появился слабый румянец.

– Ему всего пятнадцать лет, – продолжал Йона.

Он смотрел на ее тонкие руки и расчесанные блестящие волосы, падавшие на хрупкие плечи.

– Почему вы верите его словам? О том, что он перебил свою семью?

– Что? – спросила она и подняла глаза.

– Мне показалось, что вы не сомневаетесь в его признании.

– Правда?

– Вы не удивились, когда я сказал, что он признался в убийстве. Или удивились?

– Удивилась.

Эвелин неподвижно сидела на стуле, замерзшая и усталая. Тревожная морщинка обозначилась между бровями на чистом лбу. Эвелин выглядела утомленной. Губы шевелились, словно она просила о чем-то или что-то шептала про себя.

– Его арестовали? – вдруг спросила она.

– Кого?

Девушка, не поднимая глаз и уставившись в стол, без выражения произнесла:

– Юсефа. Вы его арестовали?

– Вы боитесь его?

– Нет.

– Я подумал, что у вас было ружье, потому что вы боитесь брата.

– Я охотилась, – ответила Эвелин и посмотрела ему в глаза.

Йона подумал: в девушке есть что-то странное, нечто, чего он пока не может понять. Это не что-то обычное – вина, гнев или ненависть. Скорее некое чудовищное сопротивление. Он

не должен поддаваться. С таким мощным защитным барьером комиссару сталкиваться еще не приходилось.

- На зайцев? – спросил он.
- Да.
- И как охота?
- Не особенно.
- А какой у зайчатины вкус?
- Сладковатый.

Йона вспомнил, как она стояла на холодном воздухе перед домом. Комиссар пытался представить себе, как все было.

Эрик Барк забрал ее ружье. Он нес его в руке, ружье было разломлено. Эвелин щурилась от солнца, глядя на Эрика. Высокая и стройная, с соломенно-русыми волосами, собранными в высокий тугой хвост. Серебристый стеганый жилет, вытертые джинсы с низким поясом, влажные кроссовки, сосны у нее за спиной, мох на земле, кусты брусники и растоптанный мухомор.

Внезапно комиссар понял, что не так в словах Эвелин. Ему уже приходило в голову, что где-то кроется несоответствие, но он отбросил эту мысль. Теперь несоответствие обозначилось яснее. Когда он беседовал с Эвелин в теткин дом, она неподвижно сидела на диване, зажав руки между колен. На полу у ее ног лежала фотография в мухоморной рамке. На фотографии была младшая сестра Эвелин. Она сидела между родителями, и солнечный свет отражался в ее больших очках.

На фотографии сестре года четыре, может быть, пять, подумал Йона. То есть фотография сделана не больше года назад.

Эвелин утверждает, что Юсеф не был в домике много лет, но во время сеанса мальчик описал эту фотографию.

Конечно, таких фотографий могло быть несколько, и не исключено, что две из них оказались в одинаковых рамках с мухоморным рисунком. Возможно даже, что одна и та же фотография бывала и в квартире, и в теткин дом. А может быть, Юсеф навещался в теткин дом тайком от Эвелин.

Но, сказал себе комиссар, это может быть и несоответствием в рассказе Эвелин. Такая возможность тоже существует.

- Эвелин, – начал Йона, – я все думаю над тем, что вы рассказали час назад.

В дверь комнаты для допросов постучали. Эвелин испуганно напряглась. Йона поднялся и открыл. За дверью стоял главный прокурор Йенс Сванейельм. Прокурор вызвал Йону в коридор и объявил:

– Я ее отпускаю. Это все ерунда, у нас ничего нет. Незаконный допрос ее пятнадцатилетнего брата, который намекнул, что она...

Йенс замолчал, встретившись взглядом с Йоной.

- Ты что-то выяснил? – спросил он. – Или нет?

– Не имеет значения.

– Она врет?

– Не знаю, может быть...

Йенс в задумчивости потер подбородок.

– Дай ей бутерброд и чашку чая, – сказал он наконец. – У тебя есть час. Потом я решу, задерживать ее или нет.

- Не уверен, что это к чему-нибудь приведет.

– Но ты же попробуешь?

Йона поставил перед Эвелин бумажную тарелку, на которой были пластиковый стаканчик с английским чаем и бутерброд, сел на стул и сказал:

- Вы, наверное, проголодались.
- Спасибо, – ответила она и на мгновение повеселела.
- Рука у нее дрожала, когда она ела бутерброд, собирая со стола крошки.
- Эвелин, в доме вашей тетки есть фотография в рамке, похожей на гриб.
- Эвелин кивнула:
- Тетя купила ее в Муре – думала, что она будет хорошо смотреться в доме, и...
- Она замолчала, дуя на чай.
- У вас есть еще такие рамки?
- Нет, – улыбнулась девушка.
- Фотография всегда была в доме?
- К чему вы это? – спросила она слабым голосом.
- Ни к чему. Просто Юсеф рассказывал об этой фотографии. Значит, он ее видел. Вот я и подумал – может, вы что-то забыли?
- Ничего не забыла.
- Тогда это все. – Комиссар поднялся.
- Вы уходите?
- Эвелин, я на вас рассчитываю, – серьезно сказал Йона.
- Наверняка все думают, что я замешана.
- А это не так?
- Она покачала головой.
- Не так, – сказал Йона.
- Девушка торопливо вытерла слезы со щек и прерывающимся голосом проговорила:
- Один раз Юсеф приезжал в этот дом. Взял такси и привез мне торт.
- На ваш день рождения?
- На свой... Это у него был день рождения.
- Когда это было?
- Первого ноября.
- Почти месяц назад. И что произошло?
- Ничего. Он застал меня врасплох.
- Не предупредил, что придет?
- Мы с ним не общались.
- Почему так?
- Мне надо было побыть одной.
- Кто знал, что вы живете в теткинском доме?
- Никто, кроме Сораба, это мой парень... Хотя у нас с ним все кончено, мы теперь просто друзья, но он мне помогает, говорит всем, что я живу у него, отвечает, когда звонит мама...
- Почему?
- Мне надо было пожить спокойно.
- Юсеф приезжал еще когда-нибудь?
- Нет.
- Эвелин, это очень важно.
- Он больше не приезжал.
- Почему вы солгали мне об этом?
- Не знаю, – прошептала она.
- В чем еще вы меня обманули?

Глава 13

*Среда, девятое декабря,
вторая половина дня*

Эрик прошел между ярко освещенных витрин и оказался в ювелирном отделе универмага “Нордиска Компаниет”. Женщина в черном тихо разговаривала с покупателем. Она открыла коробочку и выложила на покрытое бархатом блюдо несколько украшений. Эрик остановился у витрины и стал рассматривать ожерелье от Георга Йенсена. Тяжелые, гладко отполированные треугольники образовывали длинный венок. Чистое серебро сверкало, словно платина. Эрик представил, как красиво ожерелье будет лежать на тонкой шее Симоне, и решил купить его жене в подарок на Рождество.

Когда продавщица завершила украшение в темно-красную гладкую бумагу, в кармане у Эрика зажужжал телефон. Резонатором послужила коробочка с дикарем и попугаем. Эрик достал телефон и нажал кнопку ответа, не глядя на номер на дисплее:

– Эрик Мария Барк.

Что-то странно хрустнуло, и как бы издалека послышалась рождественская песенка.

– Аллю? – повторил он.

На этот раз в трубке послышался слабый голос:

– Это Эрик?

– Да, я.

– Я хотел узнать...

Эрику показалось, что рядом с говорящим кто-то хихикает. Он резко спросил:

– С кем я говорю?

– Подождите, доктор. Я только хотел кое-что спросить, – сказал звонивший. Теперь он явно кривлялся.

Эрик уже собирался попрощаться, когда голос в телефоне неожиданно взвыл:

– Загипнотизируйте меня! Я хочу стать...

Эрик отдернул руку с телефоном от уха. Прервал разговор и посмотрел, кто звонил, но номер оказался скрытым. Тихое треньканье известило, что пришло сообщение. Тоже со скрытого номера. Эрик прочитал: “Вы можете загипнотизировать труп?”

В смятенных чувствах Эрик забрал подарок в золотисто-красном пакетике и вышел из отдела. В фойе, ведущем на Хамнгатан, он поймал взгляд женщины, одетой в широкое черное пальто. Она стояла под рождественской елкой в три этажа высотой и смотрела на Эрика. Он никогда раньше ее не видел, но взгляд женщины был явно враждебным.

Одной рукой Эрик открыл коробочку, лежавшую в кармане пальто, вытащил таблетку кодеина, отправил в рот и проглотил.

Он вышел на холодный воздух. Люди толпились перед витриной. На фоне конфетного пейзажа плясали гномики. Карамелька, разевая огромную пасть, пела рождественскую песенку. Детсадовцы в желтых жилетах поверх толстых комбинезонов молча глазели на нее.

Телефон снова зазвонил. На этот раз Эрик, прежде чем начать разговор, проверил номер. Номер оказался стокгольмским, и Эрик осторожно ответил:

– Эрик Мария Барк.

– Здравствуйте, меня зовут Бритт Сундстрём. Я работаю на “Международную амнистию”.

– Здравствуйте, – не без колебаний ответил он.

– Я хочу знать, была ли у вашего пациента возможность отказаться от гипноза.

– Простите? – переспросил Эрик.

В витрине огромная улитка тащила сани с рождественскими подарками.

Сердце у него тяжело застучало, началась изжога.

- “Кубарк”, справочник ЦРУ по бесследным пыткам, трактует гипноз как один из...
- Решение принимал лечащий врач...
- Вы хотите сказать, что сами ни за что не отвечаете?
- Не думаю, что я должен давать какие-то комментарии, – отбивался Эрик.
- На вас уже заявили в полицию, – коротко сказала Сундстрём.
- Вот как, – еле выговорил он и нажал “отбой”.

Эрик медленно пошел к площади Сергельсторг, сверкающей стеклянной стеле и Культурному центру, рассматривая рождественский базар и слушая, как трубач играет “Тихую ночь”. Свернул на Свеавэген, пошел мимо туристических бюро. Возле продуктового магазина “Севен-Элевен” остановился и прочитал полосу вечерней газеты:

РЕБЕНКА ОБМАНОМ, ПОД ГИПНОЗОМ ЗАСТАВИЛИ ПРИЗНАТЬСЯ В УБИЙСТВЕ СВОЕЙ СЕМЬИ

СКАНДАЛЬНЫЙ СЕАНС ГИПНОЗА ЭРИК МАРИЯ БАРК ПОДВЕРГ РИСКУ ЖИЗНЬ МАЛЬЧИКА

Эрик почувствовал, как застучало в висках. Торопливо пошел дальше, стараясь не смотреть вокруг. Миновал место, где убили Улофа Пальме. Три красных розы лежали на грязной мемориальной плите. Эрик услышал, как кто-то зовет его, и шмыгнул в магазин дорогой аудиотехники. Усталость ощущалась в каждой клеточке тела, будто похмелье, смесь злости и отчаяния. Трясущимися руками он достал еще одну капсулу сильного болеутоляющего, кодеисана. В животе похолодело, когда капсула растворилась и порошок попал на слизистую оболочку.

По радио обсуждали, не стоит ли запретить гипноз как форму лечения. Какой-то человек тягучим голосом рассказывал, как однажды его загипнотизировали, заставив поверить, что он – Боб Дилан:

– Конечно, я знал, что я не Боб Дилан. Но меня как бы вынудили говорить то, что я говорил. Я знал, что меня загипнотизировали, видел рядом своих приятелей и все-таки верил, что я – Дилан, по-английски говорил. Нельзя такое допускать. Я же мог признаться в чем угодно.

Министр юстиции со смоландским акцентом говорил:

- Использовать гипноз как метод допроса, безусловно, незаконно.
- Значит, Эрик Барк нарушил закон? – резко спросил журналист.
- С этим должна разбираться прокуратура...

Эрик вышел из магазина, свернул на перпендикулярную улицу и пошел дальше по Лунт-макаргатан.

С мокрой от пота спиной он остановился у подъезда дома номер семьдесят три по Лунт-макаргатан, набрал код и открыл дверь. В лифте непослушными руками достал ключи. Отперев дверь, Эрик пошатываясь вошел в гостиную и попытался раздеться, но его все время вело вправо.

Он включил телевизор. В студии сидел председатель Шведского общества клинического гипноза. Эрик отлично знал этого человека – многие коллеги пострадали от его высокомерия и карьеризма.

– Мы уже десять лет как исключили Барка и назад не приглашаем, – усмехаясь объявил председатель.

- Это имеет значение в случае серьезного гипноза?

– Все члены нашего общества придерживаются строгих этических правил, – надменно ответил председатель. – И вообще, в Швеции существует закон, наказывающий шарлатанов.

Эрик неуклюже стащил с себя одежду, сел на диван и немного отдохнул. Снова открыл глаза, услышав из телевизора детские голоса и свистки. На освещенном солнцем школьном дворе стоял Беньямин. Брови у него были насуплены, уши и кончик носа покраснели, плечи подняты; было похоже, что он мерзнет.

– Папа тебя когда-нибудь гипнотизировал? – спросил репортер.

– Что? Ну... нет, конечно, нет.

– Откуда ты знаешь? – перебил репортер. – Если он тебя загипнотизировал, откуда тебе знать, так это или нет?

– Нет, точно, – усмехнулся Беньямин. Наглость репортера застала его врасплох.

– А что бы ты почувствовал, если бы оказалось, что он это делал?

– Не знаю.

Лицо Беньямина залилось краской.

Эрик встал и выключил телевизор, прошел в спальню, сел на кровать, стянул брюки и переложил коробочку с попугаем в ящик ночного столика.

Он не хотел думать о том нетерпении, которое пробудилось в нем, когда он гипнотизировал Юсефа Эка и следом за ним погружался в глубокое синее море.

Эрик лег, потянулся за стаканом воды, стоявшим на столике, но заснул, не успев сделать ни глотка.

Эрик проснулся, в полудреме вспомнил, как отец устраивал детские праздники – наряженный в заранее подготовленный фрак, по щекам стекают капли пота. Он скручивал фигуры из шариков и вытаскивал радужные цветы-перья из полых трости. Состарившись, отец переехал из дома в Соллентуне в дом престарелых. Прослышав, что Эрик занимается гипнотерапией, он захотел, чтобы они вместе поставили какой-нибудь номер. Он сам в качестве вора-джентльмена и Эрик в качестве эстрадного гипнотизера, который заставляет добровольцев из публики петь как Элвис или Зара Леандер.

Внезапно сон слетел с него окончательно. Эрик увидел перед собой Беньямина, мерзнувшего на школьном дворе перед одноклассниками и учителями, телекамерами и улыбающимся репортером.

Эрик сел, почувствовал жгучую боль в желудке, взял со столика телефон и позвонил Симоне.

– Галерея Симоне Барк, – ответила она.

– Привет, это я.

– Подожди секунду.

Эрик слышал, как она идет по деревянному полу и закрывает за собой дверь кабинета.

– Так что случилось? – спросила она. – Беньямин звонил и...

– Журналисты накинлись...

– Во что ты впутался? – оборвала его Симоне.

– Врач, которая отвечает за пациента, попросила меня провести сеанс гипноза.

– Но признаваться в совершении преступления под гипнозом – это...

– Послушай меня, – перебил Эрик. – Ты можешь меня выслушать?

– Да.

– Это не был допрос, – начал он.

– Какая разница, как это называется...

Симоне замолчала. Он слышал ее дыхание.

– Извини, – тихо сказала она.

– Это не был допрос. Полиции нужны были приметы – какие угодно, они думали, что от этой информации зависит жизнь девушки. И врач, которая отвечает за пациента, посчитала, что риск для его жизни не так велик.

– Но...

– Мы думали, что он – жертва, и просто пытались спасти его сестру.

Он замолчал, слушая дыхание Симоне.

– Что ты наделал, – с нежностью сказала она.

– Все образуется.

– Ой ли?

Эрик пошел на кухню, развел таблетку треокомпа и смыл лекарство от язвы желудка сладковатой водой.

Глава 14

Вечер четверга, десятое декабря

Йона выглянул в пустой темный коридор. Вечер, скоро восемь, в отделе остался он один. Во всех окнах горят адвентовские звезды, свет уличных фонарей отражается в темном стекле двойными размытыми кругами. Аня оставила у него на столе тарелочку рождественских сладостей, и он, кажется, съел слишком много, пока писал комментарии к протоколу допроса Эвелин.

Когда выяснилось, что Эвелин солгала, прокурор принял решение задержать ее. Ей сообщили, что она подозревается в соучастии в убийстве и что у нее есть право обратиться к адвокату. Благодаря аресту предварительное расследование получило трехдневную отсрочку, после которой надо было принимать или не принимать окончательное решение о заключении под стражу. К этому времени полиция должна или представить суду настолько веские причины подозревать Эвелин, что суд будет считать ее вину по меньшей мере возможной, или отпустить девушку.

Йона понимал: ложь Эвелин вовсе не означает, что девушка виновна. Но он получил трое суток на то, чтобы докопаться, что она скрывала и почему.

Комиссар вывел протокол на печать, отослал документ прокурору, проверил, надежно ли заперт в оружейном шкафу пистолет, спустился на лифте вниз, вышел из здания и сел в машину.

Возле Фридхемсплан Йона услышал, что зазвонил телефон, но почему-то не сумел вынуть его из пальто. Телефон провалился в дыру в кармане и ускользнул за подкладку. Зажегся зеленый свет светофора, машины сзади засигналили. Йона подъехал к автобусной остановке перед кришнаитским рестораном, вытряхнул телефон и перезвонил.

– Это Йона Линна, вы мне только что звонили.

– О, как хорошо, – обрадовался помощник полицейского Ронни Альфредссон. – А мы не знаем, что делать.

– Вы говорили с приятелем Эвелин, Сорабом Рамадани?

– Это не так просто.

– На работе искали?

– Не в том дело, – сказал Ронни. – Он здесь, в квартире. Просто не хочет открывать, не хочет разговаривать с нами. Орет, чтобы мы уходили, что мы мешаем соседям, преследуем его из-за того, что он мусульманин.

– Что вы ему сказали?

– Да ничего. Только что нам нужна его помощь – все как вы нас инструктировали.

– Ясно.

– Нам взломать дверь?

– Я к вам еду. А пока оставьте Рамадани в покое.

– Спасибо.

Йона включил мигалку, развернулся, проехал мимо высоты “Дагенс нюхетер” и дальше, на мост Вестербрун. В темноте горели все окна и фонари города, и небо над ним было серым, мглистым.

Комиссар снова подумал о месте преступления. Не было ли там чего-то странного, необычного? Йону не оставляло ощущение, что некоторые обстоятельства никак не стыкуются друг с другом. Остановившись на красный свет на Хеленеборгсгатан, Йона открыл папку, лежавшую на правом сиденье. Торопливо порылся в фотографиях, сделанных в спортклубе. Три душевых, не разделенных перегородками. Блики от вспышки на белом кафеле. На фотографии – прислоненный к стене вантуз с деревянной ручкой. Вокруг резиновой насадки рас-

теклась большая лужа крови, воды и грязи, в ней плавают волосы, обрывки пакетов и флакон жидкого мыла.

Возле стока в полу лежит рука. Виден сустав с хрящом и мышцами, с которых содрана кожа. Охотничий нож со сломанным лезвием валяется в душе.

Нолен обнаружил лезвие при помощи компьютерной томографии, оно прочно засело в тазовой кости Андерса Эка.

Растерзанное тело оставили на полу, между деревянной лавкой и погнутым жестяным шкафчиком. Красная спортивная куртка висит на крючке. Кровь везде – на полу, на двери, на лавках.

Йона, барабанив пальцами по рулю, ждал, когда загорится зеленый, и думал, что криминалисты зафиксировали множество следов, отпечатков пальцев, волокон и волос. Колоссальное количество ДНК сотен людей – но ни одна не имеет отношения к Юсефу Эку. Многие из найденных ДНК оказались нечистыми, смешанными с другими ДНК, что сильно затруднило их анализ в криминально-технической лаборатории.

Комиссар объяснил техникам-криминалистам, на чем они должны сосредоточиться: необходимо найти на Юсефе Эке кровь отца. Кровь, покрывавшая его тело на месте второго преступления, ничего не значит. Там кровь всех была на всех, и неудивительно, что на Юсефе оказалась кровь его младшей сестры, а на ней – его кровь. Но если бы специалисты нашли на Юсефе кровь отца или следы Юсефа в раздевалке клуба, его можно было бы связать с обоими местами преступлений. Для возбуждения уголовного дела достаточно доказать, что Юсеф был в раздевалке.

Еще в больнице Худдинге врач, Сигрид Кранс, получила инструкции из Линчёпинга, от занимавшейся анализами ДНК Шведской криминально-технической лаборатории: тщательно зафиксировать любые биологические следы, найденные на Юсефе.

Возле Хёгалидспаркен Йона позвонил толстяку Эриксону, шефу техников-криминалистов, работавших на месте преступления в Тумбе.

- Ну, – ответил тяжелый голос.
- Эриксон? – развеселился Йона. – Эриксон? Подай признаки жизни?
- Я сплю, – устало проворчала трубка.
- Сорри.
- Ну, на самом деле я еду домой.
- Нашли что-нибудь с Юсефа в раздевалке?
- Нет.
- Нашли, нашли.
- Нет, – повторил Эриксон.
- По-моему, вы искали спуска рукава.
- Ошибаешься, – спокойно сказал Эриксон.
- Ты надавил на наших друзей из Линчёпинга? – спросил Йона.
- Всей своей тяжестью.
- И?..
- Они не нашли на Юсефе ни одной отцовской ДНК.
- Я и им не верю, – сказал Йона. – Черт, он же был залит...
- Ни единой капли, – оборвал его Эриксон.
- Этого не может быть.
- Во всяком случае, когда они это говорили, они были довольные как не знаю кто.
- Низкокопийный анализ?
- Нет. Ни единой микрокапли, ничего.
- И все-таки... Черт, мы же не можем смириться с такой неудачей!
- Почему, можем.

- Не можем.
- Не зацикливайся, – посоветовал Эриксон.
- Ладно.

Они закончили разговор, и Йона подумал: загадки иногда создаются всего лишь обстоятельствами. В обоих местах преступления убийца действовал одинаково: бессмысленная резня и агрессивное желание разделать трупы, словно туши. Все же очень странно, что специалисты не нашли на Юсефе – если он убийца – крови его отца. Мальчик должен был быть настолько залит кровью, что на него обратили бы внимание, сообразил Йона и еще раз набрал номер Эриксона.

- Да.
- Я кое-что вспомнил.
- За двадцать секунд?
- Вы проверяли женскую раздевалку?
- Там никого не было, дверь закрыта.
- Может быть, у жертвы были ключи.
- Но...
- Проверьте сток в женской душевой, – сказал Йона.

Обогнув парк Тантолунден, Йона подъехал к пешеходной дорожке и остановился перед высотными домами, стоящими фасадом к парку. Комиссар нашел взглядом полицейский автомобиль, проверил адрес и подумал: возможно, Ронни с напарником постучали не в ту дверь. Провел рукой по губам. Это могло бы объяснить нежелание Сораба впустить их – ведь в таком случае хозяина квартиры просто зовут не Сораб.

Вечерний воздух был холодным. Комиссар пошел к двери, вспоминая, как погруженный в гипноз Юсеф описывал произошедшее в доме. Его рассказ соответствовал тому, как выглядело место убийства. Юсеф не сделал ничего, чтобы скрыть преступление, ничем не защитил себя. Он не думал о последствиях и оказался залит кровью.

Йона подумал, что Юсеф мог просто описать под гипнозом свои чувства, смятение, яростный беспорядок, тогда как физически, внешне, на месте преступления он вполне контролировал себя – явился в полностью покрывавшем его дождевике, а перед тем, как ехать домой, принял душ в женской раздевалке.

Надо поговорить с Даниэллой Рикардс, спросить, оправился ли Юсеф настолько, чтобы выдержать допрос.

Комиссар вошел в подъезд, достал телефон и увидел свое отражение в черной кафельной плитке – стена была выложена как шахматная доска. Бледное замерзшее лицо, серьезный взгляд и растрепанные светлые волосы. Стоя возле лифта, комиссар еще раз позвонил Ронни, но тот не ответил. Может быть, Сораб наконец впустил их в квартиру? Йона поднялся на шестой этаж, подождал, пока какая-то мама с малышом спустятся вниз, подошел к двери Сораба и позвонил.

Немного подождал, постучал в дверь, подождал еще несколько секунд, потом приподнял пальцами крышку щели для почты и сказал:

- Сораб? Меня зовут Йона Линна. Я из полиции, комиссар по уголовным делам.

За дверью послышался какой-то звук, словно кто-то тяжело наклонился к щели, но потом отпрянул.

- Вы единственный знали, где живет Эвелин, – продолжил комиссар.
- Я ничего не сделал, – глухо сказал мужчина за дверью.
- Но вы рассказывали...
- Я ничего не знаю! – закричал Сораб.
- Хорошо, хорошо. Но я хочу, чтобы вы открыли дверь, посмотрели на меня и сказали, что вы ничего не знаете.

– Уходите.
– Откройте дверь.
– Какого черта... вы не можете просто оставить меня в покое? Я совершенно ни при чем, я не хочу, чтобы меня втягивали в это дело.

В его голосе была злость. Он замолчал, перевел дух, стукнул по чему-то в квартире.

– С Эвелин все в порядке, – сказал Йона.

В щели для газет заскреблись.

– Я думаю...

Он замолчал.

– Нам надо поговорить.

– Это правда? Что с Эвелин ничего не случилось?

– Откройте дверь.

– Я же сказал – не хочу.

– Было бы хорошо, если бы вы смогли поехать со мной.

Оба немного помолчали.

– Он бывал здесь? – неожиданно спросил Йона.

– Кто?

– Юсеф.

– Кто это?

– Брат Эвелин.

– Никогда его здесь не было, – ответил Сораб.

– А кто бывал?

– Вы что, не поняли – я не собираюсь вести с вами беседы.

– Кто сюда приходил?

– Я не говорил, что сюда кто-то приходил. Ничего подобного. Вы хотите меня одурачить.

– Нет, что вы.

Они снова замолчали. Потом за дверью послышались всхлипывания.

– Она умерла? – спросил Сораб. – Эвелин умерла?

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Я не хочу с вами разговаривать.

Послышались удаляющиеся шаги, потом хлопнула дверь. В квартире заорала музыка. Спускаясь по лестнице, Йона подумал, что кто-то запугал Сораба и вынудил его рассказать, где прячется Эвелин.

Йона вышел на морозный воздух и увидел, что возле машины его поджидают двое парней в спортивных куртках. Услышав его шаги, они обернулись. Один уселся на капот, прижав к уху телефон. Йона быстро оценил их. Обоим на вид лет по тридцать. Человек, сидевший на капоте, был бритым, зато у второго волосы подстрижены, как у школьника. Йона прикинул, что человек с мальчишеской стрижкой весит не меньше сотни килограммов. Выглядит как тренер айкидо, карате или кикбоксинга. Наверное, стероиды принимает, подумал Йона. У второго может оказаться нож, но огнестрельного оружия наверняка нет.

На газоне лежал тонкий слой снега.

Йона, словно не заметив их, свернул к освещенному тротуару.

– Эй, мужик, – позвал один из парней.

Комиссар направился к лестнице возле фонаря с зеленой урной, притворяясь, что не слышит.

– Не хочешь забрать свою машину?

Йона остановился и быстро взглянул на фасад. Он понимал, что сидящий на капоте звонит Сорабу и что Сораб наблюдает за ними из окна.

Более крупный осторожно приблизился. Йона повернулся и пошел на него.

– Я из полиции, – сказал он.

– А я – макака.

Йона быстро достал телефон и еще раз набрал номер Ронни. “Sweet Home Alabama” заиграла в кармане у стоявшего парня. Тот широко улыбнулся, достал телефон Ронни и ответил:

– Мусор слушает.

– В чем дело? – спросил Йона.

– Наплюй на Сораба. Он не хочет разговаривать.

– Вы думаете, что помогаете ему?..

– Я тебя предупредил, – оборвал его парень. – Мне насрать, кто ты есть. Держись от Сораба подальше.

Комиссар понял, что ситуация становится опасной, вспомнил, что пистолет заперт в сейфе, и оглянулся, ища какое-нибудь подручное оружие.

– Где мои коллеги? – спокойно спросил он.

– Ты меня слышал? Не лезь к Сорабу.

Человек, стоявший перед комиссаром, быстро провел рукой по своей мальчишечьей прическе, учащенно задышал, повернулся, шагнул вперед и приподнял пятку.

– В молодости я занимался спортом, – сообщил Йона. – Если ты на меня нападешь, я сумею тебя скрутить.

– Мы уже испугались, – отозвался тот, что сидел на машине.

Йона, не спуская глаз с человека со стрижкой, объяснил:

– Ты решил сбить меня с ног, потому что думаешь, что я неуклюжий и не смогу пнуть тебя.

– Дурак, – буркнул стриженный.

Йона переместился вправо, чтобы освободить себе место.

– Если ты пнешь меня, я не попячусь, как ты привык. Я зацеплю тебя под колено, а когда ты завалишься, ударю в шею вот этим вот локтем.

– Вот болтливый черт, – фыркнул сидевший на машине.

– Точно, – ухмыльнулся второй.

– Не высовывай язык, а то откусишь, – посоветовал Йона.

Человек со стрижкой легко качнулся, и удар получился медленнее, чем ожидалось. Йона уже шагнул вперед, когда стриженный начал движение бедром. Распрямить ногу и ударить он не успел: комиссар сильно пнул его под колено опорной ноги. Потеряв равновесие, стриженный запрокинулся назад, а комиссар повернулся и локтем ударил его в шею.

Глава 15

Утро пятницы, одиннадцатое декабря

Часы показывали всего половину шестого, когда в квартире что-то застучало. Симоне ощутила этот звук как часть полного разочарований сна, в котором ей пришлось перебирать раковины и фарфоровые крышечки. Она поняла правила, но все же допустила ошибку. Какой-то мальчик стучал по столу, указывая, что именно она сделала не так. Во сне Симоне изворачивалась и униженно оправдывалась. Когда она открыла глаза, сон исчез без следа.

Кто-то или что-то стучало в квартире. Симоне попыталась определить в темноте, откуда идет звук. Она лежала неподвижно, прислушиваясь, но постукивание прекратилось.

Рядом глухо похрапывал Эрик. Что-то потрескивало в трубе. Ветер задувал в оконные рамы.

Симоне успела подумать, что, может быть, во сне звук показался ей громче, чем на самом деле, как вдруг постукивание раздалось снова. В квартире кто-то был. Эрик принял снотворное и спал мертвым сном. По дороге рядом с домом с шумом проехала машина. Храп Эрика стал глуше, когда Симоне положила руку мужу на плечо. Тяжело дыша, он повернулся на бок. Как можно тише она вылезла из постели и выскользнула из спальни – дверь была полуоткрыта.

В кухне что-то светилося. Из прихожей Симоне увидела, что в воздухе висит свет, словно синее газовое облако. Это свет в холодильнике. И морозилка, и холодильник распахнуты. Из морозильника капало, по полу текла вода. Капли из размороженных продуктов с тихим стуком падали на резиновую прокладку.

Симоне почувствовала, как холодно в кухне. И пахнет сигаретным дымом.

Она выглянула в прихожую.

Входная дверь открыта настежь.

Симоне бросилась в комнату Бенямина. Мальчик спокойно спал. Симоне немного постояла, слушая его ровное дыхание.

Когда Симоне пошла закрыть входную дверь, сердце у нее остановилось. В дверном проеме кто-то стоял. Фигура кивнула Симоне и протянула ей что-то продолговатое. Только через несколько секунд до Симоне дошло, что это свернутая газета. Незнакомец хотел дать ей газету. Симоне сказала “спасибо”, взяла газету и, лишь закрыв и заперев дверь, почувствовала, что дрожит всем телом.

Она зажгла весь свет и проверила квартиру. Кажется, все на месте.

Симоне, стоя на коленях, вытирала на кухне пол, когда вошел Эрик. Принес полотенце, бросил его на пол и повозил ногой.

– Наверное, я ходил во сне, – сказал он.

– Нет, – устало возразила Симоне.

– Холодильник – это же классика. Захотел есть, открыл...

– Не смешно. Я очень чутко сплю, я... я просыпаюсь каждый раз, когда ты поворачиваешься во сне или перестаешь храпеть, я просыпаюсь, когда Бенямин идет в туалет, я слышу, как...

– Ну, тогда это ты ходила во сне.

– Объясни, почему была открыта входная дверь, объясни, почему...

Она замолчала, не зная, надо ли рассказывать все.

– В кухне совершенно точно пахло сигаретным дымом, – наконец сказала она.

Эрик рассмеялся, и Симоне покраснела от злости.

– Почему ты не веришь, что здесь кто-то был? – сердито спросила она. – После всего дерьма, которое на тебя вылили газеты? Ничего удивительного, если бы сюда забрался какой-нибудь псих...

– Ну хватит, – перебил Эрик. – Это нелогично, Сиксан. Кому, ну кому придет в голову залезть в нашу квартиру, открыть холодильник и морозильник, покурить – и уйти?

Симоне швырнула полотенце на пол:

– Не знаю! Не знаю, но кто-то же это сделал!

– Успокойся, – раздраженно бросил Эрик.

– Успокоиться?

– Можно мне высказаться? По-моему, в сигаретном дыме нет ничего странного. Скорее всего, кто-нибудь из соседей курил на кухне рядом с вытяжкой. У нас вентиляционный канал проходит через весь дом. Или какой-нибудь страшный человек закурив на лестнице, не подумав о...

– Не надо говорить со мной, как с душой, – коротко огрызнулась Симоне.

– Ну ради бога, Сиксан, не думай, что нам оказали какую-то особую честь. Я уверен, что ничего опасного нет и этот дым можно объяснить как угодно.

– Я знаю, что когда я проснулась, в квартире кто-то был, – тихо сказала Симоне.

Эрик вздохнул и вышел из кухни. Симоне посмотрела на грязно-серое полотенце, которым она вытирала пол возле холодильника.

Вошел Беньямин, сел на свое обычное место.

– Доброе утро, – сказала Симоне.

Он вздохнул и подпер голову руками.

– Почему вы с папой все время врете?

– Мы не врем, – запротестовала она.

– Врете.

– Ты так думаешь?

Беньямин не ответил.

– Ты вспомнил, что я тебе сказала в такси...

– Я много чего вспомнил. – Беньямин повысил голос.

– Не кричи на меня.

– Забудь, пожалуйста, что я что-то говорил, – вздохнул Беньямин.

– Я не знаю, как у нас с папой будет дальше. Все не так просто. Ты, конечно, прав – мы обманываем сами себя, но это совсем не то, что врать.

– Вот ты это и сказала, – тихо заметил Беньямин.

– О чем ты еще думаешь?

– Меня маленького не фотографировали.

– Ну как же не фотографировали, – с улыбкой сказала Симоне.

– Когда я только родился.

– Ты же знаешь, что у меня был выкидыш до... в общем, мы были так рады, когда ты родился, что напрочь забыли про фотографии. Я точно помню, каким ты был, когда родился – твои сморщенные ушки и...

– Перестань! – крикнул Беньямин и ушел к себе.

Пришел Эрик, бросил таблетку треокомпа в стакан воды.

– Что с Беньямином? – спросил он.

Симоне прошептала:

– Не знаю.

Эрик пил лекарство, стоя над раковиной.

– Он думает, что мы все время врем, – сказала она.

– Всем подросткам так кажется.

Эрик тихо срыгнул.

– Я случайно сказала ему, что мы разводимся, – повинулась Симоне.

– Как ты можешь пороть такую чепуху? – жестко спросил Эрик.

– Я просто сказала, что думала.
– Но надо же было думать не только о себе.
– Это я думаю только о себе? Не я сплю с практикантками, не я...
– Замолчи! – закричал Эрик.
– Не я глотаю горы таблеток, чтобы...
– Ты ничего не знаешь!
– Я знаю, что ты принимаешь сильное обезболивающее.
– Какое тебе дело?
– У тебя что-нибудь болит, Эрик? Скажи...
– Я врач и думаю, что немного лучше разбираюсь...
– Ты меня не обманешь, – перебила Симоне.
– То есть? – рассмеялся он.
– Это зависимость, Эрик. Мы больше не спим друг с другом, потому что ты принимаешь гору сильных таблеток, которые...
– А может, я не хочу спать с тобой, – оборвал он. – Как мне этого хотеть, если ты вечно мною недовольна?
– Тогда разведемся.
– Отлично.
Симоне, не поднимая на мужа глаз, медленно вышла из кухни, чувствуя спазмы и боль в горле, чувствуя, как на глазах закипают слезы.
Беньямин закрылся в своей комнате и так громко включил музыку, что загудели стены и дверь. Симоне заперлась в ванной, выключила свет и расплакалась. Услышала, как Эрик крикнул из прихожей: “Ну тебя к черту!” – и как за ним хлопнула дверь.

Глава 16

Утро пятницы, одиннадцатое декабря

Еще не было семи, когда Йоне позвонила доктор Даниэлла Рикардс. Она сообщила, что, по ее мнению, Юсеф уже может выдержать недлинный допрос, хотя все еще находится в послеоперационной.

Садясь в машину, чтобы ехать в больницу, Йона ощутил тупую боль в локте. Вспомнил вчерашний вечер и как синий свет от полицейских мигалок метался по фасаду высотки возле Тантолунден, где жил Сораб Рамадани. Крупный мужчина с мальчишечьей стрижкой сплевывал кровь и неразборчиво бурчал про язык, когда его сажали на заднее сиденье полицейской машины. Ронни Альфредссона и его напарника, Петера Юска, обнаружили в подвале высотки. Нападавшие, угрожая ножом, заперли их там, после чего отогнали патрульную машину к соседнему дому и бросили на гостевой парковке.

Комиссар вернулся в дом, позвонил в квартиру Сораба и сообщил, что телохранителей Сораба повязали и что дверь взломают, если он не откроет немедленно.

Сораб впустил его, пригласил сесть на синий кожаный диван, предложил ромашкового чая и извинился за своих приятелей.

Сораб оказался бледным парнем с волосами, стянутыми в хвост. Тревожно озираясь, он снова извинился за происшедшее, но объяснил, что в последнее время у него много проблем.

– Поэтому я и нашел себе телохранителей, – таинственно сообщил он.

– Что за проблемы? – спросил Йона и пригубил горячий чай.

– Кто-то следит за мной.

Сораб поднялся и выглянул на улицу.

– Кто? – спросил Йона.

Сораб, стоя к нему спиной, категорично заявил, что не хочет это обсуждать.

– Мне обязательно об этом рассказывать? – спросил он. – У меня же есть право хранить молчание?

– Есть, – согласился комиссар.

Сораб пожал плечами:

– Ну вот.

– Но вам было бы лучше поговорить со мной, – осторожно сказал Йона. – Может быть, я смогу помочь. Вы об этом не думали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.